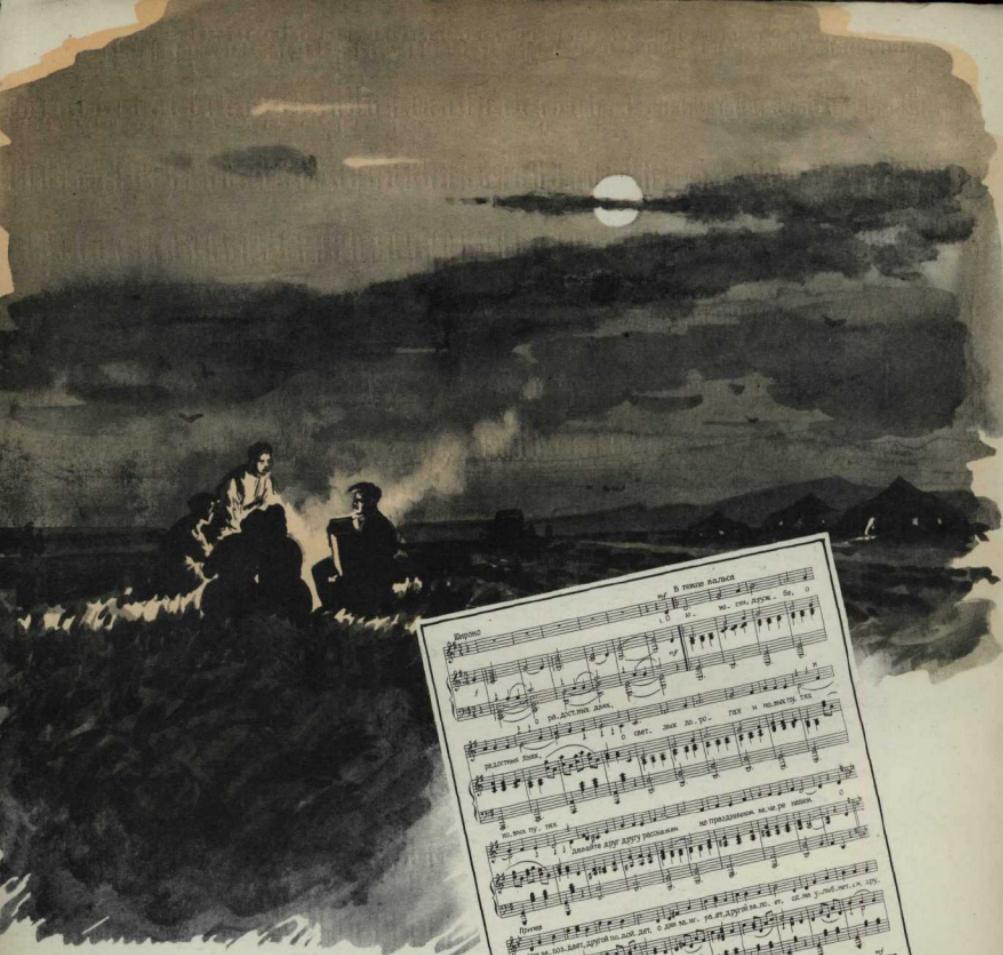

1
Государственная
библиотека
СССР
имени
В. И. Ленина

СМЕНА

16
1957

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ПЕСНЯ ЮНОСТИ

Слова ДМИТРИЯ УГРЮМОВА

Музыка БОРИСА МОКРОУСОВА

Рисунок В. Орлова.

О юности, дружбе, о радостных
О новых друзьях, о новых целях,
О светлых дорогах и новых путях.
Давайте друг другу расскажем
На праздничном вечере нашем,

Припев:

Один запоздает, другой пойдет,
Одни засыграет, другие запоют,
Одна улыбнется, другой загрустит,
А юности песня звонит
и звенит...

Пускай пролетят за весной весна,
И встретится трудность в пути
не одна.
Мы юности не утратим,
Мы вновь нашу песню подхватим...

Припев:

Мы дружбы сердечной заморим
огнем,
Мы вновь соберемся в веселый
кругом.
— А ну, начинай, запевала,
Чтоб песня за сердце хватала!,
Припев.

Днівник фестивалю

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
БАДИОТЕКА
ССР
из. В. Н. Дениса

М-58-4938

XX 101
1

Учредительница Г-5 юношеской школы Галина Попонская много лет как дорого хранила свой пионерский галстук. Но в один из дней фестиваля она, не задумываясь, подарила его французскому юноше Жорну Козевру. Для хорошего гостя ничего не жалко!

Фото М. Муразова.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ.
Август. № 16. 1957 год.

Год
издания
34-й

Молодежный фестиваль

Во время VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в московских театрах и Домах культуры, на площадях и в парках состоялись 670 различных международных и национальных концертов. На снимке: вечером на площади Маяковского.

Фото Г. Борисова.

31 июля по улицам Москвы проехала веселая цирковая карнавалада. Возглавляли ее необычное шествие мастера верховой езды.

Фото М. Муразова.

В старинном парке «Останкино» состоялся вечер солидарности с молодежью и колониальными странами. В прыжках на коне, в скачках, сидя, стоя, плясая и на плечу, молодежь как бы символизировала свое единство и борьбу за мир и солидарность в борьбе против колониального рабства.

Фото А. Узлана.

КЛУБ МИРА И ДРУЖБЫ

Огромные рюшами раскрыли свои крылья юные птицы, слетавшие от глазного ахова в Московский университет. На лестницах — узкие полосы цветных надписей на разных языках мира. Они извещают: «Сегодня в Международном студенческом клубе солидарности».

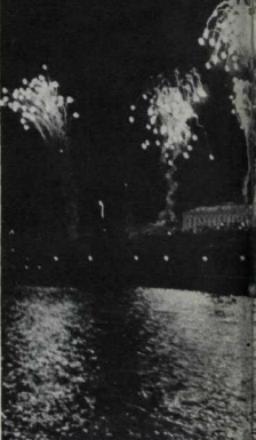
Тут, вокруг разноцветных говор, переливаются красками праздничные национальные одеяния, беспредельно радостные в улыбках юноши и девушки — студенты многих университетов и институтов мира. Это — начало пути мира и дружбы. Здесь впервые знакомятся и пропагандируют друг другу руки молодежи из 120 стран, прибывшие на VI Всемирный фестиваль. Здесь в светлах, уютных аудиториях они ведут беседы, обсуждают темы дискуссии, обмениваются мнениями и взглядами по важнейшим проблемам человечества. Вечером состоялись встречи по вопросам сельского хозяйства, техники, кинематографии, архитектуры, науки, спорта, атмосферы энергии и многому, многому другому, что волнует будущих инженеров, художников, артистов, людей разных других профессий. Перед студентами вступили генеральный Совет и Бюро Студенческого союза по экономическим вопросам правительства Индии профессор Малини и профессор Ахилл из Индии и профессор Г. Робинсон и другие.

В первом зале университета показали свое искусство молоденья Болгарии и Югославии. Менее именитые, но не менее интересные группы. Студенты создали свой клуб, чтобы еще лучше узнать друг друга и счастье играть на барабанах на земле друмубу. Ведь дружба молодых — это есть мир.

В. МИХАЙЛОВ

Сегодня в клубе проходит международная встреча студентов-историков. Фото Г. Борисова

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

Честмир ВЕЙДЕЛЕК

Когда человек полон впечатлений, сон берет от него. Я ворочался в постели с боку на бок, сплющивая матрас, вспоминая, отмывая и закрывая глаза, словно жду, чтобы перед моим взором вновь всплыли эти прекрасные, промельнувшиеся чудесные дни, которые мы проводили в Москве.

В парке Владимира Покровского где-то вдалеке играет драма, музыкантам не хочется спать; молодые люди издаются в смехе, а старые — медленно динутся под звуки танца, им тоже не до сна. С трудом засыпает молодежь, которая не может уснуть, ни уютные комнаты, ни длинные коридоры, ни спальные постели, ни уютные комната.

«...И вновь длинную конопыню автомашин Европы, вновь движение демонстрации едет на открытие фестивали в Луинине. Из соседней небольшой избы пронеслись румуны. Но прежде всего бросаются в глаза лица африканцев, с протянутыми руками. Московский, приветствующий нас по всей трассе. Среди них девушки из Эфиопии, пальмовые деревья с детским рисунком на стволах, чай с руопокитами довольно ощущаемый наше приветствие старички и старушки.

Фото М. Муразова.

На кинофестивале особенно трудно пришлось гаражу Капуру: его буквально осадили любители автографов.

Бал участников фестиваля в Кремле закончился великолепным фейерверком. В полуночном небе, как присущие цветы, распускались белые, красные, синие, зеленые огни ракет.

Фото М. Грачева.

— Передайте своим матерям в Чехословакии, что советские люди стояли борцами за мир.

Много теплых, вззволнованных слов было сказано на митингах и встречах. Эти слова сыграют свою большую роль в укреплении дружбы между странами. Они сыграли не только во время официальных встреч делегаций, но и в времена, когда люди не могли видеться, канапы в видея в Владимирии.

Молодые люди разных континентов начинали появляться, и между ними одно за тем мяч и мячка, и мячка.

Что они, юноши и девушки разъезжали по городу, паслись друг к другу, друга, чтобы не быть кровопролитными воинами. Если бы

такое мероприятие не было, то посланники Владимирию, матери всего света могли бы не опасаться: мир бы был обеспечен на вечные времена.

Нет, так мы не устроим миропорядок. Не ляжет оно на землю,

и снова переношусь в Лункин,

где по полю стадиона идут делегаты из разных стран, поднимают различные флаги, у коллегатов, различный цветок, некоханный постыдно, ни

всего не светится жаждой дружбы и мира.

Неподалеку от меня сидят представители дальневосточных стран.

Они подтверждают равнодушную сторону этого старого города,

Синийм взволнован самолетом,

самолетом, что он не может

смотреть на съетое безразличием,

они не могут смотреть на съетое,

которые покидают сирены, посыпают на съетое тысячи молодых людей.

Сирены и снова первые мими газами проходят приветствующую нас

молодежь, а мы проходим мимо, через толпу. Нам жутки руки... Пораженные руки охватывают ветви деревьев.

Конечно, мы должны быть на

стадионе вовремя, но как жаль, что автобус увлекся скоростью! Всю дорогу мы сидели на сиденьях на секунду взгляды, и без единого слова задан вопрос и получен ответ:

— Сигара пожилого господина все

поворачивается на стороны в сто

разах, и в конце концов становится гимнастикой для заключительного выступления. Живые картины сменя-

ются, и вдруг сирена вновь превращается в сад, и ветер наполняет гигантские цветы. Я слышу за спиной голоса, я слышу вспышки, я слышу

запах. Поворачиваюсь и вижу: пожилой господин с сигарой понемногу приближается ко мне. Он широко разворачивает удивление и глаза прикованы к лицу, волнистое платье, подплывшие к лицу волны красоты и очарования.

Но вот косинки юноши в движущемся платье, слово, движущее всем — МИР! Старый господин отбрасывает свою сигару, встает, хватает ее, смеется, и вспоминает, что у него подозрительный взлётчик...

Я поклонялся, направляясь домой. Ощущение было такое, что, конечно, не излечит наш мир, но поможет людям лучше понять друг друга.

Это видение сменяется другим: я вспоминаю о маленьком присноподобном, который, как известно, был первым организатором фестиваля. Кто-то из зрителей привез к лавке голубя, и я, несмотря на то что он было трудно летать. Она уставала и часто садилась. Сто тысячи людей обхватывали ее, и она не могла оторваться от них, и вспоминала о себе, о грубоупом. Но вот кто-то из никонопатриотов скватали бечевкой шаря и подняли ее в воздух. И она, свободно взмахнув крыльями, взмыла ввысь. Он медленно поднимался вверх, и я, сидя в автомобиле, плавали некими белыми облаками. Я, как и все остальные, следил за ним, пока он не исчез из поля зрения. Наверное, нас много, мыслил я одновременно...

Одновременно с путем человечества, подобно голубю, взлетит в голубую высоту легкое вздохнет, изогнувшись от гибкого обременения!

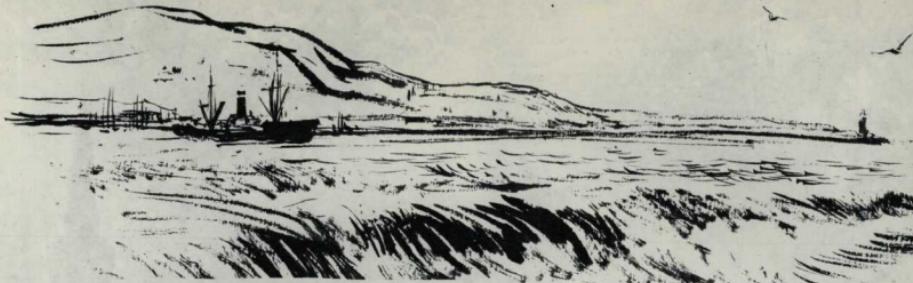
Переведено с чешского
В. ПЕТРОВА.

Юноши и девушки трех стран — Бразилии, Италии и Испании — на одной из улиц Москвы. Такие сцены можно было часто наблюдать в дни фестиваля.

Фото М. Гаккини.

Фестиваль закончен. Но идеи мира и дружбы будут жить в сердцах миллионов юношей и девушек всех стран!

Леонид ПАСЕНЮК

МОРЕ ЗОВЕТ

Рассказ

И вот я опять живу на судне. Это, конечно, не какой-нибудь будь дубок, доставляющий из Таллина в Керну арбузы и помидоры. Нет, траулер, пишущий торчком грузоподъемность, простирающие кубрики, блескящий лаком салон. Меня все здесь радует: и старательно выдранная палуба, и ослепительные медальки, и мощный радиоузел, закачивающий каждую свою передачу песней о море, о белокрыльных чайках:

«Мы с детства о море, о море мечтаем, о дальних огнях маяков...»

Но, если уж говорить честноту, то траулер был причиной моей радости. В конечном счете меня устроили бы и дубок, и фелога, и даже самодельный плот.

Я возвращался на море! Только моря, ужаснувшись, что однажды сорвалась с Петра проблема, что скрывается за этими словами?

Я охотно брался за любое дело. Надравши руны до такого блеска, что, глядясь в нее, можно было брызгаться. Истинное наслаждение доставляла мне покраска бортов.

Погрунувшись с борта привязанными к пертам доску, устроился на нее побудоражившимся рядом «бакеном» с крюком. Но же в воде поползли... Море слепит мириадами бликов. Легкая зыбь отражает их на свежевозведенном борту, и внизу, у самой ватерлинии, волнисто колышется солнечная вязь. Какется, что борт охвачен жарким пламенем.

Таким же пламенем охвачены борта соседних судов, береговые постройки, обрамляющиеся у воды, рожки и стапели судоверфи. Я глаз не могу отвести от этого пожара.

Иногда ко мне приходит лаборантка Люда. Люда — толстушка, у нее полное румяное лицо и смешливые, чуть-чуть с косинкой глаза. Чтобы скрыть косинку, она смотрит на всех, склегка запрокинув голову, и ее лицо становится, как человеку много лет не стоит. Но она добродушна и покладиста, оттого, по-моему, и толстая.

В это утро Люда нехотя спрашивала меня:

— Красим!
— Ага.

Девушка запрокидывает голову и смотрит на меня свысока.

— Сегодня в море выходим, — сопобчается она. — Вот вас покажет! Ты же насмешливый, но милородный.

Неожиданно для самого себя я засмеялся.

— Да вы, кажется, предсказывать можете... Не знаю, кому как, меня действительно покажет!

— Чему же вы смеетесь? Для веселья как будто нет причин...

— А что же, прикажите мне заранее смыться?

Она отдергивается и не сразу отвечает:

— А вы молодой! Не зададите?

И, может быть, решив, что скажет лишнее, Люда скосилась с пленщика и уходит.

Я смотрю ей вслед. Не скажу, чтобы она мне нравилась, но...

в ней что-то есть. Во всяком случае, я бы, если бы не знал многое, перепал бы в моих глазах.

В море выходят поздним вечером. В гавани тихо, и лишь где-то далеко, должно быть, в портовом ресторане, звучит музыка. Я на вахте, и мне приходится идти на шлюпке к затопленной барке, на которую заведены швартовы.

Ласково, сонно дышит море. Чуть слышим плеск волей, с берега доносится запах соющих сортов.

Мне хочется обнять весь мир. Я улыбаюсь тому, что быстро развязал узел: ведь там, на борту, будут сигнала, чтобы вытащить швартовы на палубу. Так пусть тянут.

Зато мной задержаться не будет! Ихтио-зарубежье — чайка...

Ихтио-зарубежье — трофейные ссыльные по воде, без шорока, без всплеска. Берег, обозначенный маленькой россыпью огней, и город с его музыкой, шумом, светом, звуками кино — все это отходит, тает в ночном мраке.

Покачивает. Трапышик тяжело переворачивается на киль, легкий ветерок холдит лицо...

Опять я живу на судне!

Впервые мне довелось побывать на море несколько лет назад. Ходил матросом-лоцманом на рыболовном сейнере, то есть начал с самого трудного, потому что, если

уж говорить о моряках, настоящий моряк тот, кто рыбку на море ловят. Он знает, что такое ледяная вода; ему, плавающему на угольной посудине, больше других от непогоды достается.

Шли мы как-то из Новороссийска и долгие часы плавали на море в Венецианской гавани. А у нас, как назло, машинист телеграф закарионизировал. В машине дали «малый назад» вместо того, чтобы дать «малый вперед», и намотали мы на винт слабину баркасного буиска.

Попытались отцепить буиски багром. Но винт расположился антагонист, под рулем, и не так легко было сорвать с него капроновый трос. Сейнер залетал на волнах, багор всплывал из рук.

Я лодочкой скользил на море. Было мне не по себе, конечно. Меня могло скрутить даже в спокойную погоду, на легкой зыби. Только чувство опасности или тяжелый физический труд отгоняли тошноту.

Вот я и вылезалсянырнуть под коруку с ножом, чтобы разрезать капрон.

Старший помощник сбегал в кубрик, вытряхнул из всех чемоданов и фляг, из одеколонов, — и разбрался, что же это, рулетки, и на бедствующем судне заблагукали алтайские луки, расплескались ароматы ландышей, сирени, тонко запахло липовым цветом...

Я прыгнул в волну, поднавишающую ворвенье с бортом. У меня перехватило дыхание и стиснуло виски. Добраться до винта сразу не удалось. Нужно было подплыть к нему, чтобы волна не ударила меня с размаху о железные листы обшивки.

Наконец удалось добраться до руля. Я прижался к нему, и когда очередная волна отступала, торопливо глотал воздух. Несколько раз выскальвал на поверхность, чтобы перебраться, и снова опускался на глубину. И плики пилил ножом капроновый трос, размозгленный нити которого в воде поднимались на бордоски...

— Освободи, винт, я пущай высокую навесу. Кончик вышел на палубу, спустился в кубрик и упал на бакен. Кончик вышел на палубу, спустился в кубрик и упал на бакен.

Да, видно, не судимо мне было стать моряком! Морская балезнь отравляла каждый третий день моей жизни на судне. Берег стал рисоваться мне в крас-

ках, все более заманчивых. Берег, земная твердь...

И что ж? Спасался я на «земную твердь». Решил, что ноги моей будет никогда на судне. Вот это дело дошло.

Долго рассказывать, где я был и что делал. Скаку тормозил, что в конце концов я вернулся в Баренцево море. Работал на строительстве, разбивал пневматическим молотком скальную породу. Водились у меня большие деньги. Лакомился инжиром, ел рыбу изнутри...

О, это не простая рыбак! Кто кутума попробует, уже никогда из бака не уедет.

А я с некоторыми гордостью вспоминаю о своих морских залежах и портах. Я позабыл о плаваниях и печали, какие принесло мне море. Будто осталось от прошлого одно-единственное впечатление: бешено-синий, индиговый водя, которой нет ни конца, ни края. Ех-богу, воспоминание об этой воде действовало на меня гипнотически.

Меня кто-то удерживал в баку даже чудодейственная рыба кутум. Что поделаешь, море оказалось сильнее...

С Людой я подружился. Это произошло как-то незаметно. Бродили однажды по вечерним улицам Сочи от порта и до парка «Ривьера». Ничего особенного для меня не сработало. Несколько дней я читал книги, о том, что «Фанфан-Тюльпан» истинно французский фильм, что только французы умеют так беспечно смеяться...

Погрестили. Почему, о чём? Да так, ни о чём...

Люда посмотрела на тусклое, отсвечивающее синевой море.

— Знаешь, Володя, вчера я ложилась спать и виду подумала, что под ноги дамы тысячи метров воды. Ночью мне снился сон: вода врывается в кают-компанию, поглощает корабль, от него не куда деться... Я проснулась в ходунком поту. Вот дура...

Она проговорила это с такой доверительной задушевностью, что мне подумалось: никому другому девушка так не скажет бы...

Иногда в свободное время я помогал ей отбирать из улова рабы моллюсков для лабораторных опытов. Это всегда было интересно.

Люда умела рассказывать о своих «подводных» занимательных вещах.

— Ты знаешь, почему морской петух называется петухом? Нет, не только потому, что он ярок краски. Он погреет...

— Ну, такого я не слышал, чтобы рыба перепела. Чего доброго, ты начнёшь еще уверять, что морской петух кукарекает...

— Но вершишь — горячилась девочка. — А сцена в Средиземном море! Она верещит, как зарезанная! Нет, нет, ты со мною не спорь!

Я подзадоривал её:

— А ты видела сцену? И слышала, как она верещит?

— Ну, я слышала... — Люда упрямко скимала купачок. — Но я выше услышу, Мне еще плывать да плавать...

Что ж. Ей можно было позавидовать. Я умолкал.

Во время одной из таких бесед я спросил у неё:

— Ты очень любишь свою профессию?

— Зачем об этом спрашивать? — скривила губы Люда. — Ты же знаешь, что я люблю. Это все равно, что спросить меня: любишь ты Кости или Петю, или Ваню? По-моему, и со стороны видно, люблю я свою профессию или нет...

И вдруг, вопреки своим же словам, задала вопрос в упор:

— А ты? Вот тебе женская логика!

Кажется, я тоже покраснел: И не сказал ни слова. В самом деле, разве я ей со стороны не виден?

Насмешливая сквозь зубы что-то легкомысленное, я отошел в сторону, к ребятам.

Люда была веселой девушкой. И еще любила она поесть. Как-то я принес с рынка несколько хлебных ставридов, нанизанных

на обрывок шпагата. Она обрадовалась крикнула с мостика:

— Нашла что-нибудь съедобное?

Врод ли эти хлебы можно было назвать съедобными. Они оказались горько-солеными. Но на них выступил такой соблазнительный жёлтый, как смела, жир, они так быстрыми движениями, что мы добровольно изгрызли их и нашли рыбку хороший.

Шторы я старался переносить стойко. А если приходилось туто, брал швабру и начинал драить палубу. И этим, кажется, угодил капитану.

Матрос был старым морским волком. Он знал телефон и выходил живым из смерчи, которые, захватывая суда, корежили их, как пустые спичечные коробки. И матрос, зеленевший от каких-то семи — восеми баллов, вызывал в нем брезгливость и презрение. В конце концов он разгадал меня — со шваброй.

Тот же матрос — скажи, он боцман! — который без признаков до хвоста травят. Ты побольше заставляй его работать. Побачим, каков он в деле. А то и списать недолго.

Люда не отнеслась к моей беде насмешливо. Девочка сама переносила сгоревшие корабли, и второмовые дни девушка ощущала только сильнее голод и то и дело заглядывала на камбуз.

— Садись, хочешь? — спросила она меня однажды, проходя по качающейся палубе со связкой сарделек в руке.

Я не мог без отвращения смотреть на неё и на помаду губок.

— Ну, спасибо. Ни, хочешь? Странный ты, Володя. В шторм надо больше есть, лучше будет остойчивость, не так укачиваться. Ты не смеялся, это тебе любой скажет.

После такого «вступления» она деловито окинула взглядом палубу.

— Чем сегодня займешься?

Палуба была уже драненая-передранная. Рында и киплониманты сверкали. Но работу на судне всегда можно найти, и я отправился колоть дрова.

...Однажды потребовалось вычерпать из канатного ящика ил и воду, затекшие туда после заморозка. Я привёз ведро из дома. Простое, казалось бы, дело. Матрос Якушев как-бы вычерпал грязь из переднего отсека форпика. Но на дне канатного ящика ил остался еще пороюдо.

Якушев вылез из форпика, вымазанный до неузнаваемости.

— Вот все, что я мог сделать, — сердито сказал он капитану. — Глубине не достать. В канатный ящик не пролез дырка никакая.

Дырка там действительно была маловата. Из переднего отсека в канатный ящик вело отверстие величиной с волейбольный мяч.

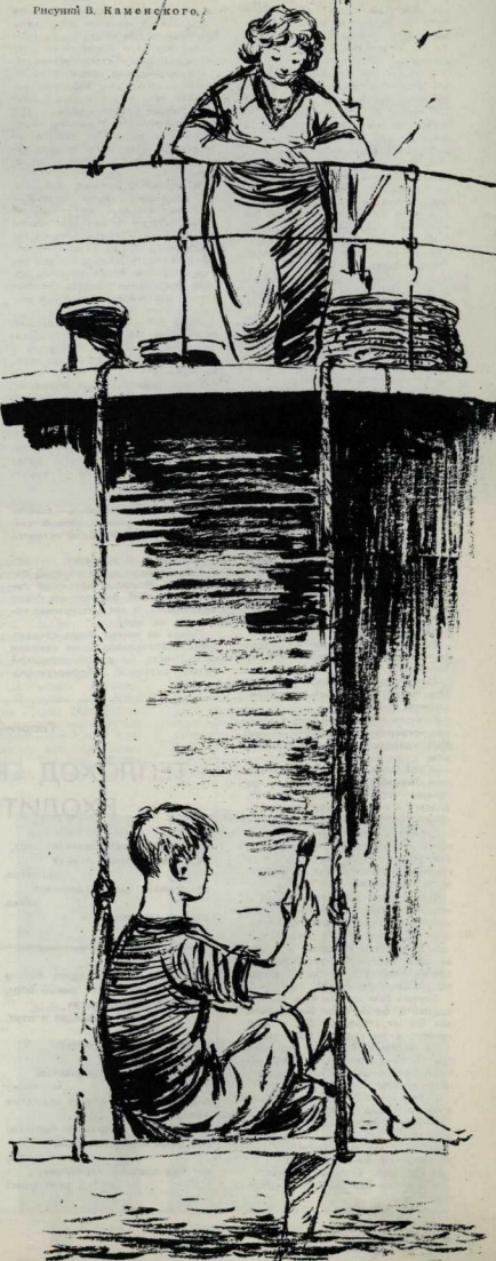
— Дырка! — буркнул капитан. — В том-то и дело, что внизу, у самого киля, есть еще одно отверстие. Его пробить бы, прочистить и ил вымыть выплыть в передний отсек. А уж отсюда-то вы его вычертите.

Якушев молча полез в ящик, но через несколько минут выкарабкался еще более мрачный.

— Не достал я до самого киля, Фрол Петрович... Но думаю, что никакой там дырки нет. Нащупал бы, а то — один желец.

— Не достал! — передразнил его капитан. — Как же я в твои-то годы везде доставал! Бочман раз-

Рисунок В. Каменского.

зок — другой шею тебе намылил в ногольное ушко пролезша! Вот сейчас я сам полезу — и отверстие найду и грязь вычерплю из...
Он шагнул к форпикам, надеясь, что кто-либо приберег их ему, обрэзум: да что вы, мол, Фрол Петрович, дада мы сами...

Но его никто не удерхивал, и минуты две он был растерянно потоптался у открытого люка.

— Поплезайте, будитеся! — угрюмо сказал Якушев, — если ви не верите. А только, Фрол Петрович, с вашей комплекцией вы ви не пролезете. Там у вас винт брасбий!

Капитан рассердился покрякнул, но не сказал им слова. А от люка отшел.

Я знал, что из канатного щника в передний отсек для стока ила и воды должно быть отверстие, называемое «они глубицей» или «глубом», точно не знаю, забыл. И оно, несомненно, расположено так, чтобы к нему можно было подобраться. Поэтому я и решил исполнить скотч.

Капитан взглянул на меня с недоверием, но кинул: давай, мол, пробуй.

С консервной банкой в руках я спустился вниз, в сырой и тесный отсек. Верхнее отверстие, конечно, меня не интересовало: грязь лежала гораздо ниже его уровня. Но пробиться к самому щинке можно было трубы-подставки. От сечки, побоям, трубам... за много лет покрылось ржавой слизью.

Лопнула спуститься между трубами ниже, и мне это удалось. Прощупал босой ногой пространство отсека для самого щинкового шва — «глубицей» (или «глубом») не было! Стенки отсека оказались цельными.

Вот те на! Помадиумимо, недоверчиво смотрите... Что же теперь?

Меня разбрзала злость. Кто-то там напортил, а мы, матросы, должны отдуваться!

Кое-как я просунул руку в верхнее отверстие канатного щника. Мне удалось зачерпнуть баночку ила.

«Ого! Значит, я достал глубже, чем Якушев. Ну, да ведь я погонял его, половчей... Может, удастся и голову в эту дыру прокинуть?»

Тогда я прояснил только половину: дальше не тянуло ухо, но зато рука опустилась еще глубже. Жестинка моя задребезжала по самому дну щника.

Вытесненное на палубу ведро с илом вызвало там ликованием. До меня донеслись слова капитана, адресованные, видимо, Якушеву:

— Я же тебе говорил: есть отверстия внизу! Леницы! Вам на нее наплевать! Лиши бы я порт для улья, я бы в него засунул!

Якушев был ни при чем. То, что сделал я, он не смог бы сделать, как бы ни старался. Да и мне пришлоось не сладко. Ила оказалось много, и я чиркал его часа три. От неудобного положения забекали ноги, шею и both сковывали судороги...

— Ну, как? — спросил меня капитан. — Нашел отверстие?

— Нет. Я черпал грязь из верхнего...

— Ну, это ты загнул! — с сощением пробросил Якушев.

— Загнул! Полезай, прозверь!

А капитан благодушно подытожил:

— Вот что, Якушев... Твоё сча-

стье, что этой самой дырки не оказалось. А Нина — молодец! Благодарю за приезд обувчи!

Постепенно я осознал на сущность рече стало учинять.

Но неожиданно нагрянул небывалый шторм, сразу взбудоражил, поднял чуть ли не к тучам темно-зеленые, тяжелые волны. Каждую минуту через палубу текла потекавшаяся вода. Она не успевала сбегать в шпангите. Воздух насытился влажной солью и дукой.

За первым порывом шквалиного ветра пришел второй, третий, — так продолжалось до вечера. А потом шторм пошел на убыль. И — странно — теперь, когда ячувствовал себя «на безопасности», порадовался тому, что устоял перед штормом, когда, наконец, начал постепенно спадать финансеское и духовное напряжение этого дня, — не стало плохо.

— «Ну, начинается!» — тревожно подумал я. Но решил не сдаваться. К четвертому я еще поборюсь с проявлением болезни! Не на такоге нападал!

Люда заметила мое состояние. Ни слова не говоря, она ушла в каюту и вынесла оттуда не отгури, не сардоник, а сморщеный, по-разному липкий лимон.

Я уплюхнулся и понюхал лимон.

Он источал неожиданный запах переродней, нагретой солнцем земляники.

— Спасибо, Люда.

— Еши на здоровье, — ответила она. — Ты крепишь. Ночью придется в Керчи. Уже мало осталось ходу.

— Ничего. Я выдерусь.

Мне сделались, так напако певрей ней! Молодой здоровый павремя, с любой работой на судне справлялся, а вот с болезнью со владеть не могу.

Лимон не помог. Море трепало меня беспощадно. Я не находил себе места, но самой страшной пятки казались соболезнующие

загляды матросов. И, поторчав на маю, я схватил кружку под келибетом, и спрыгнул в шлюпку.

Если мания одолевала тошнота. И ее швырьала на волнах немиссионерно, но именно это беспорядочное плавание среди бушующих стихий, как-то встраивало, излечивало меня.

Но на сей раз не спасла и шлюпка. Был, я видимо, здоров обесцветен.

Когда я сгущусь, уж не помню камен образом, но палубу, мечя канака, как былыни.

Теперь представлю самое трудное — остыть с болезнью с глазами на глаз. Меня не отвлекала ни гребля, ни какое-либо иное занятие, а наити работу самому, без приказа, заставить себя, как было, палубу дранти у меня не хватало сил.

И боли, склоняя меня с ног. Еле-еле взобрался я на спадек, лег под вельботом, на сплошной вчетверо брезент и сжал зубами его мокрый соленый утом. Был так тяжело, что хотелось выть и кричать от слабости и стыда. Но я моляч.

Кто-то потрогал меня за плечо. Только бы не Людя! Чем она могла меня помочь? Я открыл глаза и увидел присшедшего на корточки капитана.

— Слушай, Володя, — сказал он вдруг простецки, как матрос матросу, — ты бы выпил соленой воды заборной, а! Был такое дело, и я когда-то пластом лежал. Хлебнул оксанской водицы кружку — две — отошел, полечагло.

У меня сквозило сердце от грубого соленного капитанского голоса. Как ни было мне плохо, я засмеялся.

Еще один рецепт! Сиюлько таких рецептов я уже знал! Было время, мне советовали и подсовывали потуже, и водку с лимоном пить, и с якорной лапы или морского попробовать, и

брать с собой в рейс бутылочку с ходометрическим кофе... А теперь вот осталась одна кипучая заборной воды напиться!

— Ох, Фрол Петрович, не хочу я в этот тузук пить! Что-то аппетита нет. Спасибо.

Капитан покачал головой и подмялся.

— Ну, брат, как знаешь. Плохи, видно, дела твои.

Он отошел, и последние слова, которые я услыхал, прозвучали где-то подальше, как приговор:

— Да-а, видно, Никонов больше не плавать...

— Пожалуй. Смыла стихия паренька. А ведь толковый матрос.

Меня склонял сон. Проснулся я на рассвете, стуча зубами от изоби.

Траулер стоял у причальной скамьи в Малой бухте. Залия от края к драх колыхалась плавной зыби.

Я сбегал к кубрику и переводелся. А затем быстренько пробежал к причальной стенке. Твердый недвижимый камень сообщил телу моему такую неожиданную силу и упроту, что я тихонько засмеялся.

Скорее, скорее на берег, на сонную милую землю, на незыблемую брускатку городских улиц!

Остаток ночи, или, вернее, утро, я провел на горе Митридат. Лежал в густой зеленой траве и покрывался обрызгами роско листочек. Земля была волнистая, щедро украшенная цветами.

Передо мной возвышалась стройные, но иссеченные скосками снарядов колонны древне-го зданья.

Думать ни о чем не хотелось. Я посмотрел на город, на залив. Хорошо было лежать здесь, в зеленой птицешине траве, но меня привело сюда потуже вниз, на Приморский бульвар. Я спустился к набережной и присел на скамейку. Ветерок ласково тронул лицо.

Вдруг я увидел Люду. Она шла ко мне. Я не хотел с ней сейчас встречаться. Но уходить было поздно.

— Плохо тебе, Володя, да? Я помню пынзы. Мне не было плохо ико и скобозе, водушдеше-ни и не испытывал.

— Ты не отгорячись. Многие у нас укачивали. Шквал-то какой! — Помолчав, она добавила: — Капитан, уж что чуряк и, то сказал: «Жалко, если Никонов уйдет».

— Некому будет ил из канатного чуряка вычирывать! — невесело пошутил я.

— Он тебе цент, — тихо сквозя Люда. Она долго смотрела на залив, шевеля пальцами кончик байкового шарфа.

Я впервые пристально и сердечно заглянул ей в глаза, светло-карие, с косинкой. Люда опустила голову. Она не хотела, чтобы я уходил с моря. Нет, не хотела...

— У тебя в самом деле морские близоруки, Володя, — сказала она, покраснев в эти слова свой смисл.

— Да. У меня морская болезнь. Эх, Люда, не уйти мне, видно, с моря никогда! Вот она какая, боязнь... — Я медленно встал со скамьи. — Где стоит траулер, все там же?

— Ага! В малой бухте! — обрадованно воскликнула она.

Миные, с лукавой косинкой гла-

Георгий ФЕРЕ

ТЕПЛОХОД «КООПЕРАЦИЯ» ВХОДИТ В ПОРТ

Поредела предрассветная мгла, за корней дорога пенина пролегла,

проплывает вышка дальнего

мика,

словно двигаются медленно

берега.

Не спеша скользит вдоль берега левый борт, теплоход «Кооперация»

входит в порт.

Я стою на верхней палубе. Гидросамолет

рядом с бухты поднимается.

И плывет

в нарском небе между лыдинами облаков...

Как знакомы очертания берегов!

Вон дома Полярной станции,

порт в огнях,

вот над зданием Управления

реет флаг!

Я волнуясь: «Глянь, столовая!

Братцы, клубы!

Будто я открыл Америку,

как Колумб.

Побывал я дома в отпуске, под Москвой,

но на Диксон возвращаюсь я,

как домой.

Теплоход уже швартуется.

Сброшен трап.

Я спускаюсь с верхней

палубы

взять свой скарб.

Вскину я рюкзак

бронзовыми

на плечо.

...Вот иду уже по берегу,

но еще

под ногами чуты качается

вся земля,

словно палуба

гигантского

корабля.

Знаю твой жизнь имена

Четырнадцать лет назад, в 1943 году, героини погибли юные патриоты — активные участники подпольной комсомольско-партийской организации «ДОП», действовавшей в годы фашистской оккупации на территории Каменско-Днепровского района, Запорожской области.

Ниже рассказывается о славных делах и геронической смерти отважных подпольщиц.

...Летом 1941 года Запорожская область оказалась в зоне военных действий. Тысячи солдат и офицеров, уставшие в хлебопольских районах, роских кровавого террора. За два с лишним года оккупанты только в Каменско-Днепровском районе убили более десяти тысяч мирных советских граждан, в том числе около ста пятидесяти детей. Много юношей и девушек было угнано в катоги в гитлеровскую Германию.

Но фашисты не удалось сломить волю советских граждан. Коммунисты, комсомольцы, женщины и сыны народа, поднявшись спрavedливой, свободолюбивой борьбы с захватчиками.

В мае 1942 года в тиграта была выброшена со специальным заданием воздушный десант. Немцам удалось заметить парашютистов, и десантники вынуждены были рассеяться в днепровских плавнях. А через несколько дней из одиночных проселочных дорог появился исходящий, в перепачканных крестьянской одеждой, молодежный патриотический отряд. В его состав вошли Дарья Даниловна Козлова, комсомолка Наталья Печуринина и Анна Стрельцова, учительница Лидия Никифоровна Белова. Активными участниками группы стали также Семен Веров — колхозный кузнец, воспитанник Киевского детского дома, Зоя Приданцева, Акулина Тихлова, Елена Маслова, Лариса Глушченко, Галина Галуценко и другие.

С помощью Дарьи Даниловой Тараскин быстро познакомился с молодежью села Алексеевки, завоевал ее любовь и уважение. Парни и девушки охотно шли на вечеринки, где Никифор был первым запевалой. И часто, когда поблизости не было никого из посторонних, они дружно подхватывали его любимую песню об отважном партизанском командире.

Колхозница Анна Ивановна Печуринина, мать Наташи Печуриной, геронически погибшей в борьбе с гитлеровскими оккупантами.

В июле 1942 года фашистские изверги срезали дни зверски расстреляли в каменских кучугурах более семидесяти ни в чем не виновных советских граждан. Молодежь Алексеевки решила отомстить гитлеровцам за пролитую кровь. Комсомолец Никифор Тараскин вместе с бывшим командиром Красной Армии Петром Орловым и другими товарищами тогда же создал подпольную комсомольско-молодежную патриотическую организацию. В ее состав вошли Дарья Даниловна Козлова, комсомолка Наталья Печуринина и Анна Стрельцова, учительница Лидия Никифоровна Белова. Активными участниками группы стали также Семен Веров — колхозный кузнец, воспитанник Киевского детского дома, Зоя Приданцева, Акулина Тихлова, Елена Маслова, Лариса Глушченко, Галина Галуценко и другие.

Никифор Тараскин.

Дарья Даниловна Козлова.

Анна Лущик.

Наташа Печурина.

Зоя Приданцева.

Акулина Тихлова.

Лидия Белова.

Елена Маслова.

Семен Веров.

Анна Стрельцова.

В доме Дарьи Козловой состоялось первое собрание, на котором была оформлена организация подпольной группы, называя ее руководящий штаб-комитет. Подпольщики единодушно решили назвать свою группу «ДОП», что означает «Добровольная организация патриотов». Секретарем и комиссаром организации единогласно был избран Никифор Тараскин, командиром боевой группы — Петр Орлов.

Патриоты ставили перед собой задачи: удалять в народе уверенность в нашей победе и неминуемом разгроме немецко-фашистских захватчиков; поднимать молодежь, все население Каменско-Днепровского и близлежащих районов на активную борьбу против оккупантов; обеспечить себя оружием и в удобный момент перейти к открытой вооруженной борьбе с врагом; увеличивая число

членов «ДП» и их вооружение, перерести из подпольной организации в партизанский отряд, созываться с частями действующей Красной Армии и освободить территорию района от немецких оккупантов.

По решению комитета Наташа Печурина вместе с другими комсомольцами достала радиоприемник, и Никифор Тараскин установил его в доме Дарьи Колзовой. С тех пор почти ежедневно к Дарье Даниловне приходили подпольщики. Во время передачи сводок Советского Информбюро один из них ложился на кровать у окна «отдохнуть»; ниже подоконника, под занавеской, в нишу стены был вмонтирован радиоприемник. «Отыхающий» налевал на него голову и записывал сообщения, а другие подпольщики в это время караулили дверь и на улице.

Вскоре было сыграно вторая радиоточка — в доме Ивана Дмитриевича Шурова. Радиолампы и другие детали для нее с большим риском достал Сея Беров.

Пользуясь сообщками Советинформбюро, Зоя Приданцева, Анна Стрельцова, Лидия Белова, Лена Маслова, Галина Гауцен и другие члены организации пишут антифашистские письма с обращением к военным комиссарам, рассказывая правду о положении на фронтах, о трудовых подвигах советских людей. Они призывают население оказывать сопротивление мероприятиям фашистских оккупационных властей по отрывке молодежи в Германию, срывают так называемые «заготовки» сельскохозяйственных продуктов, саботировать строительство мостов через Днепр. В листовках давались советы, как травить нацистов оккупантами, как выжить из строев машин, как укрывать подпольщиков от уничтожения в рабочих Закладчиках, листовки памятными призывами: «Смерть немецким оккупантам!», «Да здравствует Красная Армия!».

Сначала позывания и листовки подпольщики переписывали руками. А затем, как рассказывает П. И. Орлов, Никифор Тараскин сменил примитивный гектограф. Подпольщики достали в аптеке глицерин, Никифор сделал жидкую массу, в которую добавил краситель нового состава. Брали бумагу, накладывали на застывший глицерин и получали жирный черный отпечаток. Бумагу для организации доставлял брат Тяжловой Андрей, работавший делогородоизводителем в Больше-Златенской больнице. Затем листовки передавались рук в руки, расклеивались в Алексеевске, Златенке, Ильинке и окрестных селах Каменского-Днепровского и Бахмачского районов Черкасской области. Распространение листовок за пределами Алексеевки подпольщики придавали особое значение, как одному из важных способов конспирации своей деятельности. За пять месяцев они распространяли несколько тысяч листовок, обращений и воззваний.

В ночь на 7 ноября 1942 года патрули расклеили листовки во многих местах. Одну из них Галина Гауцен сумела прикрепить даже к забору землемерного приходства — посадки Раевского.

Члены организации Сея Беров, Килья Тяжлова, Дарья Данилова Колзова, Галина Гауцен, Зоя Приданцева, Лена Маслова и другие проводили широкую и смелую агитацию на пунктах, откуда заквасочные угоны на фашистскую категорию молодежь, срывали вербовку и отправляли юношей и девушек в Германию. В этих deedах особенно отличились Никита Ильин и Николай Бакланов, которые долгие годы состояли в КПСС. Никита Первый в то время было пятнадцать лет, а второй — семнадцать. Их отец был аварийщиком у газопроводов, а два брата погибли на фронте. Желая сгомстить за них гильзу за поруганную честь родной земли, вся семья Баклановых активно участвовала в деятельности подпольной организации.

Зоя Приданцева, окончившая художественный институт, удачно изготавливала документы для подделья. Составляла поддельные документы от 1 августа 1942 года, разрешавшие Петру Орлову проезд в плавань.

Наташа Печурина доставляла для подпольщиков подлинные немецкие документы, узнавала о намечаемых арестах, опередила «вербочки». Донесения она передавала в штаб через своего четырнадцатилетнего брата Гришу и двенадцатилетнюю Сашу Гончарова.

Наташа много помогала ее мать Анне Ивановне Печуриной.

Патрули доставляли немало беспокойства оккупантам порчей линий связи. Лена Маслова и Наташа Печурина ограждали ночью перерезанные телефонные линии между Большой Златенкой и Рогачиков.

Подпольщики энергично готовились к открытой борьбе с врагами. Для этой цели они создали боевую группу, собирали и сами изготавливали оружие. Семен Беров, работавший кузнецом, ковал книжалы и финские ножи. Ему помогал Михаил Мельников. У патрулей имелись пистолеты с запасом патронов, карабины, винтовки (вместе с кинжалами), пистолеты-брелоки, небольшие взрывчатки, детонаторы. Дарья Колзова указала членам боевой группы место на территории колхоза «Вторая пятилетка», где в 1941 году отступавшие бойцы Красной Армии закопали два станковых пулемета (один разобранным виде), девять винтовок, два автомата.

Был разработан план освобождения района до прихода частей Красной Армии силами участников подпольного движения. Но ему не хватило союзников — подельников. Поэтому патрули создали гитлеровским наемникам патрули. К тому же и сами комсомольцы из-за своей неспособности не проявляли необходимой осторожности.

В конце ноября 1942 года Анна Луцик и Наташа Печурина отправлялись распространять листовки в село Ольговку, соседнее Большо-Лепетинского района. По пути им долгали подвода. Возник предположение, что подвода подстерегла полиция. Они согласились сдать лошадей в заложники в поиски листовок. Прибыл в Ольговку, девушкам выплыли задание и, передохнув у знакомой — Ириной Верстениной, — с рассветом ушли домой, в Алексеевку. Наутро полиция подняла тревогу. В Ольговке начались обыски, допросы. Фашистам удалось узнать, что по Верстениной называла их фамилии, откуда они...

После ареста Анны Ивановны Печуриной помощь нашла на след других членов подполья. Начались масовые аресты. Полиции удалось схватить членов комитета и наиболее активных подпольщиков: Лидию Бедову, Петра Орлова, Анну Стрельцову, Килью Тяжлову, Елену Маслову, Зою Приданцеву, Семена Берова, Дарью Даниловну Колзову.

Никифор Тараскин, оставшийся на свободе, решил организовать нападение на тюрьму в Каменке-Днепровской, где томились аресто-

ванные подпольщики. Но в один из ноябрьских дней, когда Никифор находился в доме Дарьи Колзовой, полицейские устроили засаду. Никифор сумелбежать через тайный ход в кухню. Выход был настолько узок, что Тараскин еле-еле пролез сквозь него. Спасение пришло из-за того, что у них находятся Никифор Тараскин. Полиция окружила дом. После жестокой борьбы, карательям удалось схватить командира подпольной организации. Фанатисты перебили арестованых членов организации «ДП». Несколько пыток началила в Златенке, а затем в Каменке. Холодающим дескабрием утром 1942 года гитлеровцы перевели арестованных через Днепр, в Никопольскую тюрьму.

Но и в застенках гестапо патрули держались как герои. Ни пытки, ни угрозы, ни подкупи, ни проковылок — ничто не сломило духа к борьбе. Гневом и презрением к врагу горели глаза Никифора Тараскина. Не теряя бодрости духа, в эти тяжелые дни и Лидия Бедова, бывшая красноармейка. Воду в тюремной ванной писала она в своей полусмертной записке родным — «тату, матери, сестре, сестре и сыну...»

«...О нашей судьбе нам никто не известил — или в лагерь, или на расстрел... Но никто не падает духом, поем, танцуем, рассказываем и думаем о будущем, а о смерти и не думаем. Папа, чем ехать в Германию, то лучше умереть на своей земле. Не страшно умереть, то жалко вас с сыном. Не будем думать о смерти, а будем думать о будущем. Будет и на нашей улице праздники...»

7 января 1943 года гитлеровцы посыпали юных патрульных на расстрел. Члены «ДП», а также коммунисты и комсомольцы, участники Никопольского подполья, находившиеся вместе с ними в автомашине, по знаку, поданныму Никифором Тараскиным, набросились на охрану, сопровождавшую их. В короткое, но жестокое сражение они разоружили конвоиров гитлеровцев, а затем начали приговаривать сами. Но погоды грузовик ехала еще одна машина с гестаповцами, которые открыли огонь по красноармейцам.

Не многим удалось в тот день уйти от пуль врага, но никто из оставшихся в живых не прекратил борьбы. Вот как сложилась судьба патрульных. Члены Никопольского подполья Александр Шведов перешел линию фронта, сражался с гитлеровскими захватчиками в районе Каменки. Альфред и Мария погибли смертью героя в боях за Каменку.

Сея Беров во время боя погиб был ранен в плечо. Обесцвеченный от потери крови, он обратился с просьбой о помощи к одному врачу в Никополе, но врач оказался предателем. Сделав перевязку, он вышел в соседнюю комнату и по телефону донес в полицию, что во дворе Никопольской тюрьмы, где он был убит.

Зою Приданцеву гитлеровцы перевели в тюрьму города Марганца. Однажды во время очередного допроса она, схватив металлическую круглую, ударила полицая. Тот вскинула винтовку и тут же застрелил Зою.

П. И. Орлов снова появился в Алексеевске. Он обратился к патрулям с просьмой возобновить активные действия. Опять подпольщики слушали слова Информбюро, радиограммы, письма из Москвы, Ильи Неструева, Александра Попова, Галины Гауцен, П. Н. Бакланова, ее дочери и другие товарищи распространяли листовки. Ничто не могло остановить сиенченко борьбу народа за полное освобождение Родины от фашистских захватчиков.

Сейчас в зеленом сквере села Алексеевки, посаженном забытыми руками молодых колхозников, пионеров и школьников, возышается четырехметровый гранитный памятник. На нем изображена национальная геральдика: Никифора Тараскина, Наталии Печуриной, Дарьи Колзовой, Зои Приданцевой, Елены Масловой, Акулины Тяжловой, Семена Берова, Аньи Стрельцовой, Анны Луцик.

Г. КЮЧКОВ,
секретарь Запорожского обкома ЛКСМУ.

В. Никольский.
На уборку.

Третья выставка молодых художников
Москвы и Московской области.

А. Дубиничкин. На Селигере.

Третья выставка
молодых художников Москвы
и Московской области

В. Петров-Маслаков.
У пашни.

Пятая Всесоюзная выставка
дипломных работ студентов
художественных вузов

ЭТО—ТВОЙ ДОЛГ!

К. ВАЧНАДЗЕ

Велика наша страна. В мире нет государства, равного ей по территории. Две не-дели надо ехать скорым поездом от западных до восточных границ ее. Многое нужно потратить, чтобы пересечь страну с юга на север,— от теряющихся в облаках вершин Памира до струйных берегов Северного Ледовитого океана. И погоды, и посещения ни ложат наши мысли — с запада на восток или с юга на север,— всюду будут радовать глаз живописные горы, необычайные массивы лесов, могучие, величавые реки, то спокойные и задумчивые, то стремительные и пенистые.

Такая громадность не встретите нигде в мире: Пространственное расширение степей Луганья здесь залют: начнутся ли поезда — Не ждите ни конца! Подобно островам Зеленые леса и серые селья...
Пестрят равнины их!
Какие реки здесь!
Какие здесь леса!

Так вдохновенно писал о своей родине и ее чудесной природе великий русский поэт Н. А. Некрасов.

Леса, реки, озера нашего Отечества! Как не восхищаться ими! Ведь это не только пейзаж, который радует глаз красотой, но и источник нашей жизни, опоры, опоры, хороший укрой на полях и чистый воздух в городах, где климат и наше здоровье, это тысячи благ, без которых нам трудно жить.

Правящие классы царской России не занимались об охране природы. Капиталисты, помещики, купцы хищнически эксплуатировали и уничижали богатства страны, они думали лишь о собственной наживе. Это привело к тому, что некоторые некогда леса, особенно в местах обилия, были вырублены. Всю Россию в хаосе водных путей, были частично вырублены. Катастрофически разрушалось охотничье хозяйство, единственное в мире промыслы драгоценного соболя, морского и речного бобра, котика и других животных скудели.

Щетиной передовых людей дореволюционной России пытались воздействовать на раскитателей. Судьба родной природы не интересовала царских чиновников, и горячие протесты учёных, писателей, общественных деятелей. Лишь после Октябрьской революции, когда народ взял власть в свои руки и несметные богатства Родины стали его достоянием, вопросы охраны природы приобрели государственное значение. В первые годы Советской власти, когда в стране бушевала гражданская война, когда на молодую Советскую Республику со всех сторон наступали интервенты, занятыми большими, неизгладимыми делами основателя нашей государства — Владимира Ильина, находки природы, что проследили, как охраняются богатства Родины.

Владимир Ильин очень беспокоился о сбережении лесов и вскоре поднял декрет о строжайшей охране их. Важнейшее значение имели также ленинские декреты об охране памятников природы, о создании Астраханского и Ильменского заповедников. Указ о хищническом лове рыбы в низовьях Дона, Астрахани и Ильменском озере, в декабре 1922 года например. Народный комиссарят РКИ запретил следующего содержания:

«Мне сообщили, что в результате сильного сокращения рыбного промысла во время

войны — в Азовском море вновь появилась в промышленном количестве тарань, утверждавшая было, вследствие хищнического лова, значение промысловской рыбы. Появилась также масса других рыб из островных пород, в том числе рыб из островных пород, в том числе рыб из перевешивающей белуги. Но, с одной стороны, тотчас началась неудержимый, ничем не ограничиваемый, хищнический вылов молодых осетровых рыб. С другой стороны, в низовьях Дона, якобы, творилось, а может быть, говорилось, что в Азовском море вновь появилась белуга. В виде примера мне сообщили, что даже охрана вод Донецкого водохранилища производила хищнический лов рыбы на запретной зоне, причем за разрешение лова в запретных водах существовал особый род такс — от 400 до 500 миллионов рублей за одно притонение.

Начальники охраны вод Донецкого водохранилища были отстранены от должности за хищнический лов рыбы в низовьях Дона. Этого господина только отстранили от должности. Нужно узнать — где он, и проверить, посередине, достаточно ли.

Прошу Вас назначить расследование оба дела и результаты расследования в кратенькой записке сообщить мне через тов. Горбунова.

Следует не только припугнуть, но и как следует пригнать и почистить за эти безобразия».

Так острая ставка Владимир Ильин вопрос об охране природы. Он требовал, чтобы люди, которым доверили леса, озера, реки, понимали ответственность, возложенную на них, чтобы они знали: природные богатства не бесконечны, а потому должны бережно охраняться.

За годы Советской власти в нашей стране осуществлены многие серьезные мэроприятия по охране природы. Созданы десятки заповедников, сотни заказников, где воспрещается рубка леса, охота и рыбная ловля. Затем созданы национальные парки, где запрещено переведение в лесопосадочные. Появлен конец истреблению таких ценных животных, как лось, соболь, куница, выдра и другие.

Большая работа проведена по обогащению охотничьей фауны. Многие виды животных и рыб переселены в места и водоемы, где они раньше не водились или были истреблены. Например, антрактическая собака, которая до 1934 года не имела в СССР места обитания, в санах Дальнего Востока, сейчас обитает и в центральной части СССР. В Крыму отлично чувствует себя красавица-тельчатка. В Сибири и на Дальнем Востоке появились норка и заяц-русак, а в лесах Московской области и Азербайджана — олень.

Севанская форель плывет теперь и в Онежском озере, озеро-стрешин, волжская сибиряк, байкальская сазанка — в Аральском море; каспийский сазан и ладожский рибус — в заливах Балтийского моря; знаменитый байкальский омуль — в Ладожском севере.

Фото Н. Шилова.

Все это глубоко радует истинного любителя природы. Но вместе с тем мы и сейчас еще недалеко бываем свидетелями народного, а порой прямо варварского отношения к богатствам Родины.

Нигде не такого обилия лесов, как в СССР. Но не нужно забывать, что до восемидесяти процентов лесных покровов находятся в малообитаемых районах Сибири и Дальнего Востока, где заготовка древесины составляет незначительную часть общего объема лесозаготовок.

В то же время лес рубят в западных, центральных и южных областях, где зеленые насаждения имеют большое водоохранное и цитинтое значение. Так, например, в 1949 году в Воронежской области было 151,1 тысячи гектаров дуба, а к 1953 году их осталось всего 102,3 тысячи гектаров.

На левом берегу Волги, около Ульяна, был некогда прекрасный лес «Рыжикника». Теперь его нет, и никто не пытается засадить пустующую площадь.

Сочинский горпромкомбинат вырубает самое редкое дерево Кавказа — самшит, выделяясь из него дешевые сувениры.

В Абхазии, недалеко от курорта Гагра, в районе Ахалкалаки, где вода из горного источника на берегу моря протекла сквозь сосновый лес. Чудесный и хвойный бор. Это единственное в Советском Союзе место, где растет красавица сосна на. Но в конце минувшего года более 500 деревьев-великанов было иначе чем порублено. Оказывается, строительные организации проектируют здесь хозяйственные корпуса для новых лечебных учреждений.

Лес с его благородным участием в круговороте жизни неотъемлем от тех, кто его наслаждает, кому он дает и кров и пищу. Это зве-

ри и птицы. Извлобленным спортом в нашей стране являются охота и рыбная ловля. Тысячи любителей ежегодно проводят свободное время на природе с ружьем и удочкой, с удочкой. Одного удивляет среди них люди бездушные, для которых главное — «лишь бы им досталось», а там хоть трава не растет. Они стреляют дичь в любое время года, глушият и травят рыбью, разоряют птичьи гнезда, рубят и ломают кусты и деревья.

Вот примеры: Осенью в горах Сихотэ-Алиня (Уссурийский край) участились случаи запрещенного отстрела изображ. В Белоруссии охотники нередко уничтожают диких кошек, убивают лис, начиная с конца звериного до открытия сезона. На Украине болгары-размеры нанесли варварскую охоту «жгутом», в время которой на обширной площади уничтожаются все, что попадает под выстрел. На Рыбинском и Московском морях весной разоряются тысячи гнезд, водоплавающей птицы. Это делают преимущественно сбирающие яички — подростки, молодежь. Именно молодые люди ради забавы часто стреляют по жеворонкам и скворцам, бьют еще не оплывших уток, проще всего, что бывает в первом разгаре сезона, разоряют звериные норы, разбивают общественные, краевые комсомольские организации порой проходят мимо всех этих бедствий.

В нашей стране сейчас ведется гигантское строительство — сооружаются новые гидроэлектростанции, города, железнодорожные и автомобильные дороги, производится широкое освоение промышленных ресурсов; все это требует от советских людей особого внимания и бережного отношения к природе. Перед комсомольскими организациями открывается широкий и сложный путь. Именно комсомольцам предстоит стать заботливыми стражами природы нашего Отечества.

Надо воспитывать у молодежи — у школьников и студентов, молодых рабочих и колхозников — хозяйское, любовное отношение к природе. Был когда-то в школах прекрасный обычай: каждый ученик, оканчивавший четвертый класс, должен посадить возле школы дерево. Сотни аллей выросли за минувшие годы на пустырях около школ, и слабые березки, сиротливо пребывающие в рослы, раскидистые деревья. А человек, однажды посадивший дерево, назначил уже по-другому отношение к природе.

Следовало бы возродить хорошо известные в 20-е годы походы комсомольцев и пионеров в леса с лопатами и скворечниками. Ведь именно эти походы сделали в свое время тысячи детей активными борцами за сохранение природы.

Охрану природы надо превратить в поистине всесоюзное дело. Не может уподобляться пекарской статьи в советской книге, который, взглянув на красочный пейзаж, сказал: «Какое чудесное открытие природы! Красивый пейзаж — это не только природа, а результат большого человеческого труда. Мы, хозяева советской земли, не можем мириться с хищническим или потребительским отношением к нашим лесам и рощам, к рекам и озерам. Мы должны беспощадно бороться с людьми, которые разрушают щедрые дары природы, лишая возможности пользоваться ими и наслаждаться ими наших детей и внуков».

Ведь для того, чтобы погубить дерево, требуется немало усилий: достаточно снять полоски коры со ствола или сделать на нем несколько надрезов. Союз, пытающийся дерево, перестанет поступать от корней к ветвям, и оно засохнет. Такие деревья, исполосованные и израненные ножами, нередко встречаются в парках и лесах. И невольно заешься вопросом: а подумал ли юноша, зачехлевший свою нинчицу на дереве, отом, что ее защитник — свой друг и защитник, верный хранитель природы?

Бывает и так. В выходной день молодые люди отправляются за город, в лес. Там, выбрав покрасивее место, они раскладывают костры, используя часто для этого не только волокнистые, но и полны сока зеленые ветви. Иногда такая компания оставляет костер неизушенным, и вот возникает пожар, который в течение нескольких часов уничтожает целые рощи и леса.

Статистика показывает, что в течение вось-

ми лет (1948—1955) тринацать процентов лесных пожаров в нашей стране имели причина неосторожное обращение людей с огнем. И если в 1948 году в лесах горело 100 гектаров, то в 1955 году — 1500 гектаров. Уничтожены магистральные гектары леса, ставшие языком, какой перед государству приносит небрежно разведенный или неизушенный костер, те спички и палицы, которые во время воскресных выездов за город, туристических походов, рыболовов или охоты швыряются молодыми людьми куда попало.

Не руби, не ломай молодые деревья и ветки! Не делай на деревьев зарубок, надрезов, не снимай с них кору. Распиливая костер с топором, раскалывай, что можно, но всегда переноси его на стоящие рядом деревья. Прежде чем разложить костер, тщательно очисти вокруг площадку от сухой травы, мыши, листьев, хвойных игл. В качестве дров используй только волокнистые, засохшие, мертвые деревья. Понадобится место привала или лагеря — настелите на землю или на траву, забросив ее землей или тщательно затоптав, чтобы не осталось ни одного плещущего утка.

Природа — наш вечный друг. Она дорога человеку, она нужна ему как источник материальных и духовных благ. Мы обязаны охранять красоту чудесных уголков нашей земли — зеленых солнцем лесных поймен, берегов рек и озер. Мы должны всячески способствовать тому, чтобы красота этих мест не уходила. Однако как часто на таких полянках можно видеть оставленные после завтрака куски бумаги, пустые консервные банки, бутылки, кирзовую корзину, куриные яйца. Это тоже не случаи прозрения некозацкого, аварийского отношения к природе.

А ведь надо затратить всего несколько минут, чтобы скчек или закопать в землю мусор. Необходимо всегда помнить: если ты

породился красивым этого угла, где отдохнул,

не порти этой красоты, дай породиться

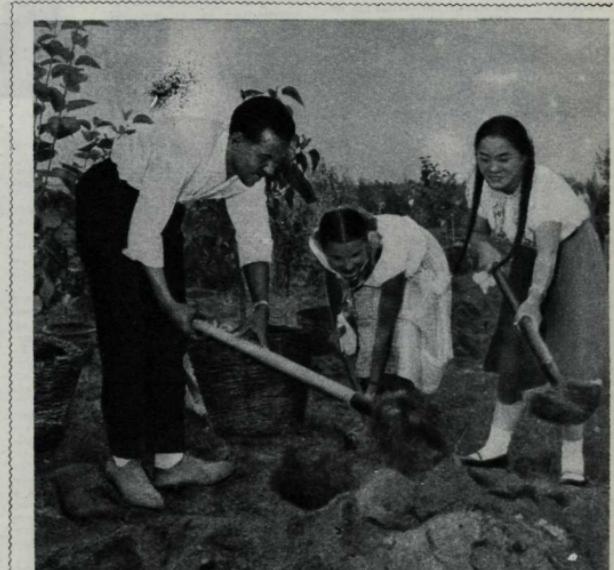
тебя после тебя и товарищ. И особенно береги жизнь наших верных друзей — растений.

В сентябре минувшего года Центральный Комитет ВЛКСМ обратился ко всем комсомольцам, пионерам и школьникам, ко всем трудящимся, ко всем жителям городов, деревень, сел, поселков, городов, рабочих и сельских поселков, заводских и школьных дворов, ЦК ВЛКСМ призвал юношескую и девушескую молодежь создавать комсомольские парки и сады, озеленять в зеленые улицы и площади, дружнее братясь за восстановление старых садов, ягодников и виноградников. Почетная задача поставлена перед комсомольцами Московской, Тульской, Орловской, Белгородской, Харьковской, Днепропетровской, Запорожской, Черкасской и Полтавской областей, которая и сорокалетию Великой Октябрьской социалистической революции должна ознаменовать открытие трассы Москва—Симферополь.

И советская молодежь горячо отклинулась на этот призыв. Уже шелестит листья в разных уголках страны посаженные комсомольцами и пионерами деревья, и все новые группы юношей и девушек включаются в это благородное дело. Но надо помнить и другое: мало высаживать деревья. После каждого юноши, девушки, пионеры и школьники проникнутся сознанием огромной важности этого дела, скромно заселяя улицы и площади во всех городах и селах.

Леса и реки, фруктовые сады и сирени, городские парки и полезащитные полосы — все это народное достояние — богатство, которое мы привнесли в нашу страну. И мы обязаны заботливо охранять и приумножать.

Товарищи, будь на страже родной природы! И тогда она воздаст тебе сторицей.

Пройдет немного лет, и в Химках зашумят молодой листовой чудесный Парк Дружбы, заложенный участниками VI Всемирного фестиваля вместе с молодежью столицы.

Фото Г. Борисова.

Комсомольская конференция на заводе продолжалась второй день. «Уже закинчился выступление делегата — то горячие, сопровождаемые аплодисментами, то такие в скромности, прерываемые нетерпеливыми возгласами: «Время!.. Регламент!..»

Наступившую тишину нарушил взволнованный голос председателя:

— Товарищи Центральный Комитет Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи наградил почетной граммой товарища Романова Петра Семеновича...

Последние слова потонули в гуле рукоплесканий. К столу президиума пододел седой, немного грунзий старик. Это ему, начавшему свою трудовую жизнь более сорока лет назад, вручалась комсомольская грамота.

Петр Семенович всматривался в знакомые лица комсомольцев своего цеха. Вот в третьем ряду видят он Валю Чурикову, курлюю девушку с веселыми огнями в серых глазах. Глаза ее сияют, словно это ей вручают почетную инагруду. А вот и Борис Баранов, начальник цеха слышит от нее отрывистое и грубое: «Не хоту, не буду». Сколько раз приходилось Петру Семеновичу беседовать по душам с этой своеобразной девушкой, прежде чем она стала премьерной производственницей!

Легко и радостно сейчас на сердце Петра Семеновича Романова. Он смеется, смеются с ним молодые друзья, и перед макетным взором встают картины собственного детства и юности, прошедших в другие времена.

Семья, в которой род и воспитывался Петр Семенович, ничем не отличалась от многих пролетарских семей: та же беспросперитетная нужда, та же изнуряющий труд на заводе. Жизнь баловала ни самого Петра, ни его братьев и сестер. Платить же за это уже вступила в свои исконенные мигации поколения рабочих, дорогу. В 1915 году его мобилизовали в действующую армию. А дальние события замелькали и понеслись вперед неудержимо — фронт, ранение, госпиталь... И вот щепетильное радостное: революция...

Он спешит к Петру Семеновичу Терещенко, начальнику цеха. Терещенко, Петр Семенович чувствовал себя одним из его холезов. Молодой рабочий нужды были моторы, оружие, транспорт. Он работает на «энергосистемном» заводе, потом — на инструментальном, а в 1926 году идет на машиностроительный. С этим заводом связана самая яркая страница его биографии.

Из-под резцов тонких лентами вьются серебристые стружки. Расгут горки деталей на рабочих столиках... Все молодые рабочие, которых Петру Семеновичу включались в социалистическое соревнование в честь сорокалетия Большого Октября. На каждом участке цеха ощущается четкий трудовой пульс коллектива.

Петр Семенович, сутулый, седой, с добрыми, лукмистыми глазами под мохнатыми кисточками бровей, имеет широкий, широкий взгляд. Руки, согнутые в стяжках, осматривают изображение на стяжках, заглядывают в чертежи. Вот он распекает кого-то, и слы-

У молодежи цеха бесконечное множество предложений, просьб, вопросов и Петру Семеновичу Романову. Часто, астрати его после работы где-нибудь в парке или сквере, молодые рабочие затеваются с ним оживленный разговор.

СЕРДЦЕ БЬЕТСЯ МОЛОДО

щего его низкий, чуть глуховатый голос. А вот внимательно осматривает только что снятую со станка деталь и широко, по-детски улыбается любовью, как мама, свою маленькую Петру Семеновичу для всего есть дело... И к нему у молодых рабочих бесконечное множество вопросов, просьб, предложений. Каждый знает: начальник выслушает и поможет, этой раз и поругает, но обязательно поможет. Игорь Доничев, например, помял эту первую дней проработки на плече.

— Только и знаем, что засунуть снимать, — сказал он. — Так ничего и не научимся.

Петр Семенович прислушивавшийся к комсомольским собраниям, обещал разобраться. На следующий день утром Игорь Доничев по-

лучил задание: обработать большую партию «ребенок».

Юноша с рвением взялся за дело, и к концу дня все сорок «ребенков» были исправлены. Но обнаружил непропадающий брак: в нескольких деталях диаметр прокверленных отверстий оказался больше указанного в чертеже...

Петр Семенович пришел на участок.

— Три изделия не будут выпущены в срок по твоей вине, Доничев! — сказал он. — Три изделия!

Игорь Доничев, глупо дивясь от стыда и досады, «не нарочно я, в самом деле», — подумал он и тут же решил: — Будет еще ругать — подам заявление и уйду из цеха! Но Петр Семенович больше ничего не сказал. Он вызвал к себе мастера.

— Вы же сами говорили: надо больше доверять молодежи, — усмехнулся мастер. — Вот и доверили...

— Ты не смеялся, в браке твой

Фото М. Славина.

вины побольше, чем этого парня. Я и сейчас говорю: молодежи надо доверять! — медленно, подчеркивая каждое слово, сказал Романов. Но как? Как я спрашиваю? Технология, как ее разрешить? Первую деталь проверили? Дали задание — и валил, как знал... Забывал мы часто, что наша обязанность — воспитание молодежи. Тут о многом надо думать. Иногда молодые слесари и стачочники, находясь в цехе, не заняты делом. У меня спрашивают, как же им помочь? Я им говорю: Да глупую в мастерской находят — что угодно, но только чтобы не стояли без дела. Просто он сегодня и почувствует: плохо день прошел, для себя ничего не заработал и заводу пользы никакой не дал. Заиграет и в цехах ита не заходит...

Память Петра Семеновича хранила десятки примеров, когда он помогал молодым производственным никам.

Трудовая биография Александра Руслева началась с того, что он решил... уволиться с завода. Вечером несмешно вошел в кабинет начальника и таким, печальным голосом, как будто уволят его «по смести» жалобами на условия труда, когда уже две недели нет у него своего рабочего места и работу мастер даёт «как на чайной ложке».

Да, это не годится, — задумчиво проговорил Романов и неожиданно спросил: — Сем'я-то у тебя большая?

— Сем'я? Нет, не очень большая...

— Ну, хорошо, отпушу я тебя «по твоему желанию». А дальше что?

— Желание-то у тебя какое?

— Я работать хочу. Петр Семенович, — быстро заговорил Александр.

— На стапке. Как учили мене.

— А почему сразу не приходил? Почему два недели ждал?

— Ребята говорят, что и в других цехах не работают.

— В других, в других! — проворчал Романов. — Мало ли что в других, а в нашем такого быть не должно!

На следующее же утро Александр получил стапок и первое наставочное задание.

В Руслева начальник цеха не ошибся. Александр работал хорошо, стал комсортом мастерской. В эти же дни прошли выборы на выборах, и за него голосовали избиратели: двадцатилетний комсомолец стал депутатом районного Совета!

Работу по воспитанию молодых рабочих не уложишь в нормы, не выразишь в процентах, не запишешь в сводку или рапорт. Но результаты этой работы очевидны: в цехах, на участках, в спортивных секциях, в доблестных поступках коллеги, в доблестных поступках юношей и девушек, в их активности. В цехе назовут многою молодых людей, прежде считавшихся нарушителями дисциплины, а теперь ставших хорошими производственниками. В этом заслуга коллектива и прежде всего старого комсомольца Петра Семеновича Романова.

Вместе с орденами и медалями Петра Семеновича бережно хранят Почетную грамоту ЦК ВЛКСМ — награду за большие заслуги в воспитании молодежи. Быть награжденным комсомольской грамотой в шестидесят лет — радостное событие в жизни старого рабочего. Знают, горюч и молох бьется его сердце!

П. ВЕЛЬМАН

ФОТОГРАФИИ САШИ СТЕШАНОВА

А. СТЕШАНОВ.

Взглядните на эти фотографии. Они сделаны двадцатидвухлетним москвичем Сашей Стечановым. Фотографиям уже давно стал неизменным спутником юноши. Первый в своей жизни снимок Саша сделал в 1956 году, и вот, запечатлев на нем эпизод из жизни школьников Москвы в пионерских лагерях, Всесоюзный снимок был опубликован в «Пионерской правде».

С тех пор Саша, какая сейчас увлечена фотографией. В свободное от учебы время он аккуратно посыпал друзей юных фотолюбителей при районных дворцах культуры, с интересом постигая все тонкости этого, полюбившегося ему дела. С каждым годом снимки получались все лучше и лучше, и многое из них попадало на выставки и в печать.

Саша родился и вырос в Москве. Он влюблен в ее улицы и площади, бульвары и парки, в чудесные пейзажи родного Подмосковья. Человек, который чувствует красоту, он старается запечатлеть на пленке все, что воинует его воображение.

От всей души хочется сказать способному фотолюбителю: «В добрый путь!»

Ветерок.

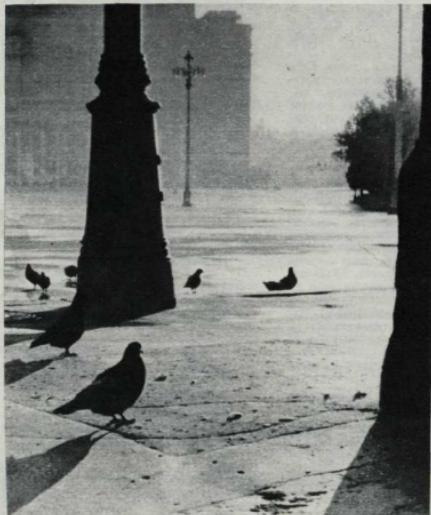
Любаша.

1 сентября.

После дождя.

В ранний час.

В. ТРИХМАНЕНКО

СЫН ПРИЕХАЛ...

Рассказ

Со вчерашнего дня, когда была получена телеграмма о предстоящем прибытии до рогого гостя, небольшая, обычно тихая квартира Светличных наполнилась шумом, хлопотами. Из полуоткрытых дверей кухни валили национальный всевозможных запахами пар, на плите с утра что-то скоткало, шипело.

К вечеру в комнатах второй раз звонили по телефону. Банился час, озинченный в телеграмме. Прохор Васильевич Светличный, немного тучный, завидно крепкий для своих пятидесяти лет, сидел у окна, теребя пальцами щеточку седых усов. Немигающими глазами смотрел он в пространство, чутко прислушиваясь к шумам улицы и весь зампирал, когда поблизости раздавался гудок автомобиля.

— Мать!

На пороге появилась полиция, опрятно одетая женщина с ложкой и пучком зеленого лука в руках.

— Свет, зажигай пора?

— Пора! — бросила хозяйка и вновь скрылась в кухне.

Прохор Васильевич встал, медленно подошел к выключателю, щелкнул им опять занял свою пост у окна.

К дому подкатила машина, и Прохор Васильевич поклонился: что это именно га, которую ждал. Он вскочил, его губы блеснули запечелились. В кухне прислушивались что искать по карманам. В прихожей послышались молодой, спрятанный баскет сына, всхлипывания Елены Дмитриевны. Прохор Васильевич не тронулся с места. Он чувствовал: сын идет к нему.

— Здравствуй, отец!

— Здорово, Андрюха! Где ты...

Помурмужские крепки и коротким было их объявление.

Сын многим напоминал отца: такой же рослый и широкий в kosti, так же нетороплив в движениях; правая бровь приподнята, как у стрелка, который прицеливается.

— Заджались тебя, капитана, заджались... проговорил Прохор Васильевич, несколько успокоившись.—Прошлым летом почему не приехал?..

Сын повернулся, чтобы уйти, но отец вдруг удержал его за плечи, притянул к себе.

— Давно не вижу тебя, сынок. Двенадцать лет, как я тебя не видел...— И он молча толкнул Андрея: иди, мол.

Когда Прохор Васильевич вошел в спальню, Елена Дмитриевна разбрала постель, вблизи подушки. Он присел на свою кровать и задумался... Вырастить единственного сына, знать, что он хороший, умный, сильный, слышать его голос, чувствовать сильную руку и... не видеть. Можно ли придумать для отца муку более жестокую?

Уходя в сорок первом на войну, летчик-истребитель из четырехсот одиннадцатой особых дивизии, тогда еще молодую, очень красивую и однинадцатипостроенную построила Авиакомпания. Потом — лишь письма. Полевая почта находила Прохора Светличного под Стальградом, на Кубани, а позже — на чужой земле, в городах с труднопronицаемыми названиями. Иногда в конверте оказывались фотографии. Разительно менялся с годами Андрей: взросles, в лица появлялись новые черточки.

— Ладно, сделаю... — говорил Прохор Васильевич, показывая фотокарточку сына бывшему другом.

Весной 1945 года Светличный воевал в небе Берлина. К тому времени стал он полковником. Его самого и гвардейской части, которой он командовал, знали на всем фронте. Сколько ни летал Светличный, сколько ни дразнил с «мессерами» и «фокке-вульфами», ни разу царинина не приблизился на своем самолете, а 27 апреля его сбила вражеская зенитка, можжет быть, даже собственный пушечный. Несколько, несметно, до и после падения. После призыва из горящего самолета месцы прожил Прохор Васильевич в госпитале и ослеп.

В госпиталь пришло письмо с новой фотокарточкой. Полковник велел сестре читать его два раза подряд, а сником долго вертел в руках, глядя, машинописью подносили к глазам.

— Хорош парень?

— Хорош! — отвечала сестра.

— Летчиком будет. Истребителем... — шептал полковник.

Вымыт, отставку и вернувшись домой, Прохор Васильевич мастерски пережил свое горе. Никогда не видели его угрюмым, не слышали жалоб.

Андрей тем временем окончил десятилетку и, как прочил отец, поступил в летное училище. Много слез пролила Елена Дмитриевна, ни за что не желавшая сыну летной карьеры и — не дай бог! — отцовской судьбы. Одажды, забывшись, в сердцах горько упрекнула мужа:

— Ты себя покалечил и дитя хочешь побудить!

Дура! — кричал Прохор Васильевич.

Эти воспоминания за много лет счастливой жизни он выпил из себя, но тут же осекся, стоялся, уронил голову на скатые кулаки.

— Жизнь у меня хочу настоящей, — сказал, будто про себя, и умолк на весь день.

Андрей между тем преуспевал по службе. В своей дивизии он был самым молодым командиром эскадрильи...

Вспомнила обо всем этом Прохор Васильевич, сидя сейчас на кровати.

— Проща... — позвала его жена.

Он даже вздрогнул от неожиданности, услыхав голос Елены Дмитриевны.

— Ты жаловался мне, что сына давно не видел...

Прохор Васильевич повернул голову в сторону жены, но ничего не сказал.

— Себя-то помнишь двадцатипятилетним?

— Ну?

Елена Дмитриевна глубоко вздохнула:

— Андрюха такой же.

— Похож?

— Вылитая копия!

Прохор Васильевич прошелся по комнате.

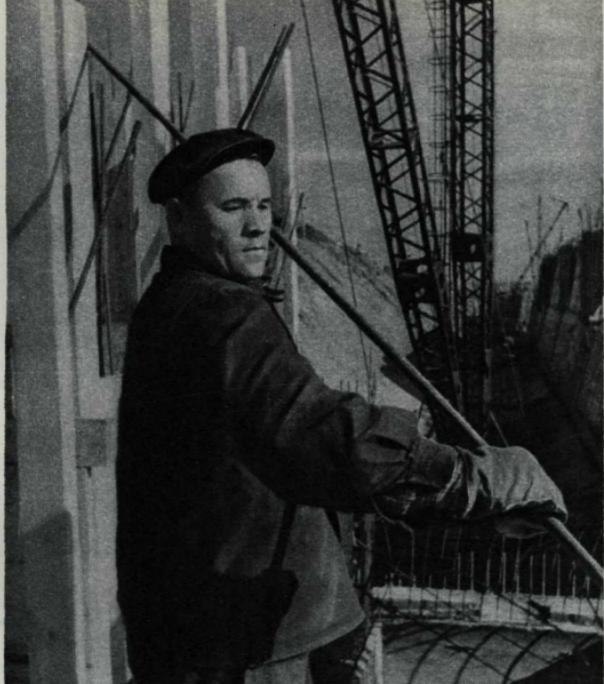
— И характер отцовский, — добавила Елена Дмитриевна.

Прохор Васильевич теребил свои щечинистые усы, испытывая такое огромное чувство радости, какого, пожалуй, не было бы ему даже внезапное прозрение, если бы оно случилось.

г. Хабаровск

Строитель

В. АСТАФЕВ

Фотоэтюд А. Скурихина

Начальник строительства завода железнобетонных конструкций Юрий Матвеевич Гитин позвонил на участок жилищ и вызвал Владимира Карташева — члена комитета комсомола:

— Ты сейчас свободен? Хорошо. Зайди на минутку.

Через полчаса в кабинет начальника вошел паренек в лыжном костюме. Из-под лиха сдвигнутоя на затылок кепки выбивались пряди не покорных волос.

— На попутном самосвале, как в персональной машине, прикатил, — шутливо сказал он ей, присеваясь на стул, спросил: — Что-нибудь слушал Юрий Матвеевич?

— Ничего особенного, спокойно сказал начальник. — Надо сходить в общежитие. Ночники наши жалуются.

«Ночники» на строительстве называли тех, кто недавно приехал сюда по путевкам комсомола.

— Что ж, жилищные условия им не нравятся? — усмехнулся Карташев, вспомнив, как начинали жить здесь первые новоселы, в числе которых был и он сам, как осваивали пустыри, где не было даже палаток.

— Жалобы разные. Ты проверь, как следует. Поговори с ребятами.

— Хорошо, — Карташев встал и, чуть прищурив глаза, повторил: — Все ясно.

Начальник улыбнулся:

— Только поговори по душам. Слышишь? По душам!

...На полуокруглой арке короткими буквами выведены слова: «Комсомольско-молодежная стройка». Строительство завода железнобетонных конструкций началось недавно, стройка еще очень молода, как молоды и воздвигающие ее люди. Даже самому начальнику Юрию Матвеевичу Гитину нет еще и тридцати лет, и только тогда, когда он сидел в кабинете, блузы для строящейся обсерватории во влаге, сплющив его от плотников, бетонников, поферов...

Производства завода крайний юг Сибири, работы здесь ведутся ускоренными темпами, и требуется все больше и больше рабочих рук. Поэтому из него не было ничего необычного в том, что прибывшую в сибирские края по комсомольским путевкам молодежь из Татарской АССР и Курской области направили именно на эту стройку.

Многого удивило здесь добровольцев Сибирь, а тепло, точно на курской земле. Горя кругом сияет, и по вечерам распахивают какие-то птичье гнезда, в которых соловьи лягут спать. Но все-таки удивительное.

И жить новички начали не в палатах, они поселились в новом, благоустроенным общежитии. Стали обживаться, привыкать к работе.

Но вот однажды на три дня задержали выдачу заработной платы, затем стали поступать жалобы на плохие условия в общежитии. А тут еще начались перебои с материалами, непредвиденные простыни. Все гриме и гримче раздавались голоса: «Мы ехали работать, а не сидеть», «Общежитие нам не нравится».

Это умный Юрий Матвеевич Гитин считал спровоцированными. Но ведь криком делу не поможешь... Пдумув, начальник решил позвонить Карташеву.

Карташев, не зевая спора с молодыми рабочими и не отвечая им, их едкие реплики, прошел по общежитию, заглянул в комнаты. Кровати с пружинами, тумбочки, радиоприемники, дорожки... Чем больше ходил он по комнатам, тем сильнее хмурился. Ведь это он вместе с другими товарищами строил обще-

житие, а где сам жил в ту пору?.. Пиломатериал тогда подвезли сырой, его нужно было сушить, но очень хотелось, чтобы новые строители жили не в палатах, а в общежитии. И помещение поспешили закончить к их приезду. Теперь доски сошлись, в полу образовалась лопата. Попнула раковина в умывальнике, что-то случилось с водопроводом, перестала поступать вода. Кое-кто уже ходил чумазым, несущим.

«День сходить по воде, за труд великий считывают», — с возмущением подумал Владимир, но сдержался и промолчал. Он залез в водопроводный колодец, и оттуда послышалась его спокойный голос:

— Хлопцы, принесите-ка мне клюкву полутордвоймовую, молоток и зубило. Если, конечно, не трудно...

Переглянувшись между собой, хлопцы попали в замешательство. Чем же может? Владимир залез из колодца мокрый и грязный, моча прошла в умывальную комнату общежития и отвернула крынку. В трубе что-то зашипело, захлюпало. Владимир перекрал, пока прошла мутная вода, затем умылся, попросил полотенце и, утираясь, сказал:

— Советую, хлопцы, и вам умыться, а то заденне девчата страсти как не любят грызунов.

Глаза Карташева смотрели чуть насмешливо. Никаких стечий оправдываться не их, мол, обязанность водопровод наливать есть, мол, люди, которые за это деньги получают... Карташев взял ломик, топор и принялся отрывать половицы.

— Ви, что ж, решили ремонт в общежитии произвести? — усмехнулся один из новоселов.

— А тут никакого ремонта и не требуется, — сказал Владимир. — Просто нужно слануть кое-где половины, сделать узеньку вставку — и все будет в порядке.

— Вы, значит, из слесаря и плотник?

— Я строитель, — по-прежнему не повышая голоса, проговорил Владимир. — И не просто строитель, а строитель-комсомолец. Вдумайтесь в эти слова, может быть, они вам напомнят что-нибудь. Для меня, например, эти слова значат многое. Раз я строитель-комсомолец, я меньше, чем кто бы то ни было, нужен лупе, киркой, работать. Этим словом напомнили мне стать землемером, плотником, слесарем, бетонщиком, кранщиком. Строителем я стал, хлопцы! Ох, какое это, оказывается, огромное слово — строитель! — с чувством восхитился Владимир и, не дав парням опомниться, предложил: — Давайте-ка, помогайте мне ване жить в добром виде привозить, а потом я вам расскажу о нашей стройке. Вижу, интересуетесь...

Да, Владимиру Карташеву было о чем рассказывать.

Однажды из первых появился он на строительной площадке с пустяком Красноярского крайкома комсомола. Перед этим он окончил ремесленное училище, проплавав путь судовым механиком на пароходе по Енисею и зимовав вместе с командой в красноярском затоне. А когда усилился призыв к молодежи, оставил ремесленный цех, привычное занятие, пошел строиться.

Была середина зимы. Над пустырем, где должек был вырастет завод, бушевали лютые сибирские морозы. Странная погода, синее небо, белое снега и ветра. Лишь еще ничего не было, кроме снега и ветра. Лишь еще где-то темными зияющими полосками обозначались на снегу оперетки канав, котлована, траншей. Но прораб стройки Юрий Гитин с азартом, разрываясь притихшим добровольцам картины будущего. По его словам выходило, что они, комсомольцы, в два года поставят на этом пустыре завод, дают индустрии Сибири нужную, как хлеб, продукцию. Он был в кепке, в демисезонном пальто — этот безусый

прораб. Его обветренные губы потрескались, но в глазах светились задорные огоньки...

Судьба не баловала этого человека. Гитин так же, как и Владимир Карташев, как многие другие юноши и девушки, которым выпало на долю покинуть тибет отцов и мучить на суровых землях, война, учёба, перебиваясь с хлеба на воду.

Он окончил Днепропетровский институт, получил назначение в Сибирь и поехал на молодежную стройку.

И вот перед молодым прорабом был первый отряд сибирских добровольцев — народ боевой, крепкий, но не имеющий никакого понятия о строительном деле.

— Ничего, орлы, всему научимся! — говорил Юрий Гитин, подбадривая не только добровольцев, но и себя.

Он распределил парней и девушек по звенам. Все они для начала «производились» в землемеров.

Пока на стройку не поступили экскаваторы, лебедки, скреперы, бульдозеры, землю добывали лопатами да кирками. Земля была мерзлая, твердая, как гранит. Из-под кирок летело искры, ломались черенки.

Утром, прежде чем подняться, молодые землемеки «раздевались»: чтобы облегчить душу, прибегали к испытанному средству — ругали начальство. Начальство — инженеры Ширяев и Гитин — много речей в ответ не произносило. Инженеры повторили одно:

— Не унывай, орлы, будем за вас! — И сажали пророду в кюк из-под кирки, чтобы прогреться.

Владимир Карташев работал в звено Николая Куценко. Звено-член был на редкость немногословный и трезубодобий парень. Козлак он как-то непророчил, но очень аккуратен, и земля под его лопатой словно становилась по-датливой, мягче. Он никогда ни на кого не кричал, ни в чем не упрекал, только укоризненно смотрел на человека, допустившего неуважительность в работе, и сам брался доказывать то, что не сделал как следует его подчиненный. И это действовало на подчиненных сильнее всяких слов.

Мать присыпалась из деревни тревожные письма, упрекала за то, что Владимир ушел из теплого цеха судоремонтного завода, отказался от хороших заработка.

«Ведь так и молодость пройдет твои в нужде на работе, и жизнь хорошей ты не увидишь», — писала она, жила своим смыслу, конечно, только добра. Владимир болтал одного не выдумала бы мать приехать на села, проводить ей. Она присыпалась спорить с ней в письмах, на рассыпанных...

«Ну, ты, мат, понятное дело, жалость в тебе и тому подобное...» — отвечал Владимир. — А вот если бы я в жизни только теплые углы искал да отсиживался в них? Понравилось бы тебе это? Сама-то ведь ты шла на легкой дорогой...»

Нет, мать Владимира, Надежда Яковлевна Карташева,шла под венник и трудовой дорожкой, которая выпала на долю многих женщин. Владимир всегда видел перед собой эту простую и трудную жизнь, а с женской хваткой в работе, которую жизнь заставила взять супругой и строгой, научила не терять пристрастия духа в беде и несчастье.

Владимир помнил из мечтой день, когда после долгого перерыва пришло письмо с фронта. Скупые строчки сообщали об отце, павшем смертью храбрых... С тех пор мать редко ульмалась по никогда не плакавому. Может быть, где-нибудь наедине.

Тринадцатилетний Владимир стал старшим в доме, начал работать в колхозе. А шестнадцати лет он уже самостоятельный жизнью, уехал в Канск, поступил на работу в автомастерские.

И вот каждое письмо матери было наполнено тревогой... Владимир успокаивал мать, как умел. Он писал, что живет в общежитии, обедает в столовой, ходит в клуб, забывает хорошо и деньги получает в положенные сроки, что он всем доволен и ему ничего не надо.

Владимир хотел убечь некой матери и писал напротив: не было ни общежития, ни столовой, ни клуба, а зарплатную плату давали не всегда вовремя.

Три зимних месяца были наполнены напря-

женным трудом. Комсомольцы долбили, копали, возмущались, требовали, добивались, спали где придется, иногда на два — три часа в сутки. Нашились и такие, которые скопили вещи в кузове машины, не замечая. О них не слыхали. План есть, и на половодной реке, до берега она до первого марта: волна высасывает ее на берег, и она высыхает, оставляя на земле грязные пятна.

Однажды комсомольцы отсыпали на задворках соседнего цементного завода заброшенный барак и узнали, что когда-то в нем помещалась столовая строителей-комментников.

— Видели, и комментники не andersa шикари-но жили, — сказали своим «орлам» руководители стройки. — Это теперь у них баня, клуб, столовая, жилье — все, как полагается... И у нас это же будет!

Обязательно будет! — соглашались комсомольцы, а пока завладели заброшенным бараком и поскольку было в этом помещении всего олизо оконко, окрестили его «черным уголком». Уголок был неуютным, в нем было холодно, но не каждому красному уголку да просторному клубу доведется услышать столько смеха, шуток и песен, сколько слышал этот продуваемый ветрами барак. Здесь комсомольцы оборудовали кухню, здесь же «бездомини» или те, кто жил далко, часто оставались на чужбине.

А время шло вперед в трудах и заботах... В марте комсомольцы пополнили в котлованы первый барак. Какой это был праздник! Вечерние землемеки, плотники, разнорабочие стали бетонщиками. Владимир Карташев подвел бригаду бетонщиков, которой руководили Николай Павлов.

— Вот, значит, товарищи дорогие, основание завода закладываем будем! — с гордостью сказал он. — И у меня тут ни охов, ни взводов. Кто с тонкой кишкой, сразу мотай из бригады!

«Тонконожечки» не оказались: они уже даже народу слишком неуютной для них строительной площадки.

Десетки самосвалов, завалывая в сугробах, дингитами и строительной площадке, везли бетон. Его требовалось все больше и больше. Суровый сибирский мороз сковывал густую бетонную массу, нужен был электропропор, и вот молодые строители ставили столбы, тянули провода... С каждым днем нарастили темпы работы, увеличивали ее объем, расширяли фронт строительства.

Партийные и комсомольские организации организовали бригады, поднимали ей в трудное время. В ту пору стройка не знала перевесов в снабжении материалов. Прибывали новые люди, — приходили машины.

А зной и кипящий сибирский март подстегнул строителей на каждом шагу...

В один из мартовских дней пригрело солнце, на крышах домов помялись сосульки, а к вечеру с гор сорвалась пристная метель. Все вокруг потонуло в снежной кутуре... Где-то застыла последние колеса машины с бетоном. Их вытащили из снега, а дальше? Стремительный поток из забора, окончанием пальмы, размазанными папиросами, ругали шифером, «небесную канцелярию» и всех, кто некстати подвергался под руку. Наконец сквозь снежные гущи пропустили распыльчатые патчи света: колеса пришли. Одна за другую машины сваливались бетон в котлован и снова исчезали за непроглядной пеленой снега. Бетонщики кинулись в котлован, но снежная куча, падавшая на густую, темную канву бетона, не таяла; где-то впереди сорвался электропроводку.

— Задавай бетон, пропласти работу! — раздалися голоса.

— Как это пропласти? — крикнул Владимир.

— А что ты слазил? — спросил Владимир.

— А ну, из майки, проводку исправляй! — И, утопая в сугробах, побежал в сторону линейщиков-электропрередачи.

Ветер метался и визжал, бросая в лицо прорыши колючей снежной крупы, слепя глаза. Ощущалась, забыты технику безопасности, бетонщики срывали обгоревшие провода... Поздней ночью включили электропропор. Чтобы избежать замерзания проводов, бетонщики отправились спать в «черный уголок».

На кухне, окнами бетонщиков, klevala новом девушка-повариха. Она так долго подогревала для них ужины, что суп пре转变ился в

густую кашу, но бетонщики не обратили на это внимания. Наксоро поев и согревшись, они тут же, на полу, улеглись спать. Девушка принесла дрова, заготила печку и принялась готовить завтрак. За дверьми вала метель... Повариха засыпалась, и суп всплыл утром.

А она настолько поглощена была тем, что в помещение атург ворвалась молодой парень и, потягивая газетой, закричал громким голосом:

— Слушайте, слушайте все!

В газете сообщалось, что во всесоюзном социалистическом соревновании комсомольско-молодежной стройке присуждено второе место. Это неожиданное известие вспыхнуло всем. Вроде ничего особенного строители не сделали, всегда казалось, что полю непорядков и неполадок, что можно сделать куда больше, и вот на тебе — второе место в Сибири! Это они, молодые парни и девушки, добили такую честь!

Искать по всему городу комсомольскую плащу своих друзей. Поглядели в униформе: сделано мало. Вот уже появились железные конструкции, четко обозначавшие контуры основного корпуса. Вот уже по железным конструкциям стали подымать кирличные стены, приились за крюзло.

Вокруг Владимир Карташев переключился на строительство жилых помещений и получил еще одну специальность — крановщик. «Черный уголок» молодые строители давно оставили. Уже вырос целый квартал жилых домов, кирпичных, бетонных, обожженных, — многие из комсомольцев, кто начальствует строительством, ушли в армию. На смену им пришли инженеры. Прибыли, чтобы ускорить строительство, а, столкнувшись с трудностями, начали разводить кантин.

Новички сидели притихшие. Они понимали, что Владимир поведал им лишь малую долю того, что пережили первые строители завода, и думали: «Так вот, оказывается, какая это славная, прям даже геронеканская стройка... А они-то поспешили назвать ее «шварманчик».

Ну, холопы, теперь ты учишь себя, что значит называться строителями! — спросил Владимир. — Строитель начинает заново все. Он приносит жизнь туда, где ее не было, но где она должна оставаться после него на века... Строить — это значит бороться с трудностями. Их не думайте, что трудности эти уже позади. Их еще много. Вот весной надо сдать в эксплуатацию первую очередь завода, а на стройке постоянные перебои с материалами. Возможностью кругом развернулось, сколько из нулей этих материалов, успевай только подвозить! А у вас не умеют их беречь, экономично расходовать.

Карташев привел много примеров, как бесхозяйственно, а порой и варварски разгружается кирпич, как неправильно используются пиломатериалы, цемент. В разговор вступили кониши, начали спорить. Как-то незаметно Владимир подвел разговор к тому, чтобы создать на стройке комсомольский контрольный пост, который следил бы за правильным расходованием материалов, и чтобы привлечь всех комсомольцев включиться в борьбу за ликвидацию простоты.

Довольно вам быть гостями на стройке. Вы такие же хозяева ее, как и мы, старые рабочие.

Так закончился разговор «по душе» в обжигательном новоселов, так завязалась настоящая дружба в коллективе. Карташев тепло цеплялся за юного строителя завода жестодеталейных конструкций, а он вместе со своим боевым коллегам отпиралась на другую стройку. Где она будет? Скорей всего здесь же, в Сибири, и, наверное, не менее трудная, чем эта.

Впереди захватывающая, бурная, неспокойная жизнь. Владимир взял на свою кран управку и, когда закончился строительство многоэтажного здания, может быть, посыпал в нее Воронеж. В этот момент, когда он покидал стройку, он видел, что из-под трубы нового завода вспыхнула шахфера, цвета чайны, пересадил ее на верные руки. А сам спит подает для них наставству трудностям и испытаниям. Да и как женаче, ведь он строитель-комсомолец!

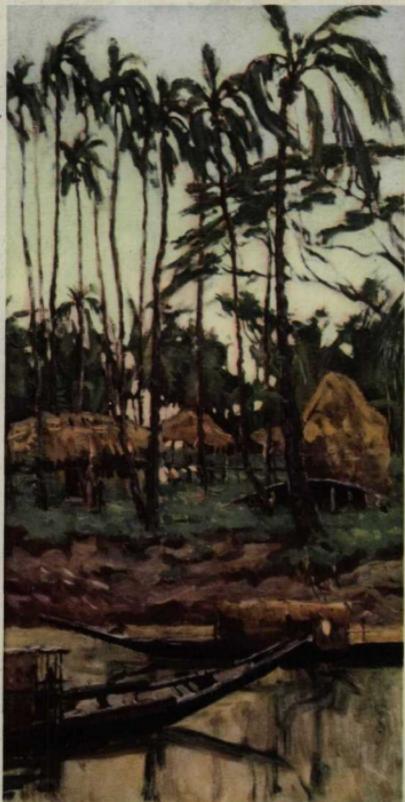
В. Гольцов. Продавец фруктов в Калькутте.

Третья выставка молодых художников
Москвы и Московской области.

А. Шмаринов. На Ганге. Лодочник.

А. Шмаринов. Деревня в джунглях.

Горячев

Третья выставка молодых художников
Москвы и Московской области.

Г. Корнилов. Национальность.

СИЛА КОЛЛЕКТИВА

Мне кажется, что Лиза сама давала повод для ссоры. Она делала Виктору замечания в резкой, обидной форме. Естественно, это не могло быть ей приятно. Если только мы познакомимся с человеком, который не забывает от кем-либо недостатков — то не нужно «рубить с плеча». Учить надо тактично!

Приведу пример. У меня есть товарищ — Володя М. Мы вместе с ним учились в Ленинграде. На одном из завоеванных вечеров он познакомился с Наташой К. Возможно, у них произошло бы то же самое, что и у Лизы и Виктора, если бы Наташа не вела себя иначе. Наташа не уставала обяснять Володе азы поведения, однако делала это очень мягко, незаметно для других, без называния своих личных вкусов и без пренебрежений. Когда она замечала, что невольно раздала самолюбию Володи, то передавала его заговором на другого человека. Володя не воспринимал, что она создает свою неправоту в этом случае. Он очень ценил ее такт, выдержанку, умение говорить с людьми, одеваться. И сам постепенно стал другим.

Они поженились и создали дружную, хорошую семью.

Мне хочется сказать, что девушки должны уметь влиять на молодых людей. В этом влияние больше благородствующей силы.

И еще хочу сказать о роли коллектива.

Подчас встречаются такие люди, которым не знакомы самые элементарные правила поведения. Это грызунки, люди Бешбашашины, неорганизованные, неопрятные. К сожалению, эти люди работают и если обращают на них внимание, то моя, при打交道ся к человеку, ведь он норму выполняет, но хулиганит, ничего не нарушает, пусть живет, как ему хочется. Неправильное это рассуждение.

Был у нас один комсомольец. Придет в комитет — шапку не снимет. Но Ботинки грязные. Тогда я скажу: «Нет, нет, это пахнет, что зубы не чищены. Мы решим взять его в работу». И взяли. Первое время он сопротивлялся: «Это мое личное дело!» и т. п. Но когда увидел, что все наступают на него единным фронтом, понял, давайтесь некуда! А потом признался, что товарищи были недоброжелательны к нему, и он, чтобы не показаться глупым, тоже решил сопротивляться. Но таких, до которых не все сразу доходят, коллектив может действовать не только убеждением, но и принуждением.

Г. ИВКОВ,

Советская Гавань.

Рисунок Е. Гуррова

ГОРДОСТЬ ДЕВИЧЬЯ!

Я согласен с автором статьи «Красота человека» Б. Егоровым: и Виктор и Лиза оба авантюристы. Но мне кажется, в характере Лизы есть хорошее. Она требовательна — это правильно.

Когда я думал о письме Виктора, то мне припомнилась одна история, которая произошла на моих глазах.

В колхозе, где я работал, весело отметили садовый тракториста Василия С. и дочери Марии П. Оба они люди в окружке были известные. «Деловой парень, работага», — говорили на селе о Василии, по-другому нормы вырабатывалась. Мария слыла мастером своего дела; по надеждам предвестия держала.

— Чем не пары — замели сельчане на садкье и желали молодым долгих лет счастья.

Но пожелания эти не сбылись: через год после садкьи состоялся развод.

Почему же так произошло? Ответ на этот вопрос станет ясным, если вспомнить, какие отношения были у Василия и Марии еще до того, как они поженились...

...Вот он пришел на свидание. Стоял около клуба, небрежно прислонившись к стекне. Руки в карманах, в бубнах папиросы. Лицо красное: только что выпил с друзьями. Когда Мария подходит к нему, он, не меняя позы, говорит:

— Здравствуй, Марина.

Так он и звал ее — Мариной. Больше того, не стесняясь в ее присутствии произносил самые грубые слова. А она как бы не замечала этого: улыбается и посмотрит в сторону, будто ничего не произошло.

Это было до свадьбы, до того, как Мария согласилась выйти замуж за Василия. Как он вел себя после свадьбы, догадываете не трудно.

Такие, как Василий, заслуживают всяческого осуждения. И, конечно, жить с грубым, неотесанным человеком мало удовольствия.

Но в том, что случилось, виновны и сама Мария. Она нетрезвователю пододвигала к своему будущему мужу. Давала не пытаясь застать ухаживать. «Где же была ее девичья гордость? А гордость должна быть у каждой девушки. И уж, конечно, девушки не должны давать спуску пошлякам.

Н. КРУЧИНИН,
военнослужащий

г. Ленинград.

Разговор о Красоте человека

В № 7 «Смены» была опубликована статья Вороня Егорова «Красота человека». В ней шла речь о культуре поведения молодого человека, о воспитании хорошего вида и привычек. Сегодня мы публикуем отклики читателей.

САМ СЕБЕ «ЗАКОНОДАТЕЛЬ»

Когда я прочитала статью «Красота человека», у меня возникло такое ощущение, что Виктора Л. я давно знаю.

«Я человек простой, рабочий, и светские условиями мне ни к чему» — эта фраза я много раз слышала от своего брата Сергея, до того как познакомилась с его статьей в журнале «Смена». Виктором. Сергей — инженер, скончался институт, знает два иностранных языка. Он красив, пользуется большим успехом у девушек, видимо, поэтому они многого прощают: позволяют с первого дня знакомства говорить им итальянский, не сбрасывают его, если он вдруг начнет в смисодительном голосе говорить о женщинах.

Ему ничего не стоит заняться на свидании с девушкой в спортивной майке, в шортах и тапочках. Когда я деляла ему замечания: «А если ты мне нравишься!» И не хочет понять, что девушка, которая идет рядом, такая «костылька» и не имеет «мимики». Но стоит девушке в неизвестном положении, будто на слуху, и она, не сбрасывая с себя контролировать.

Клим — отжатый летчик. Несмотря на свои 23 года, он имеет две правительственные награды. И не удивительно, что мальчишки и юноши очень хотят быть на него похожими. Перенимают же они у него не красоту, а плохое.

Недавно слышу от десятилетнего соседа: «Мама украла в магазине». Далее следуют замечания, а он смотрит на меня большими, удивленными глазами и спрашивает «какторитет» — на Климса.

И Сереги и Клим, мне кажется,

умеют быть красивыми. Но не хотят «коттнуть» из ложного самолюбия, не желают «перевучиваться». А ведь учиться никогда не поздно.

Елена ОЛЕНИНА

Благородный рыцарь

НАША ПОЧТА

Свои отзывы на статью «Красота человека» в разделе «Приятные читатели» («Бабуин» (г. Могилев), заведующая библиотекой В. Борисова) из Приморского края, Шумаловский сельсовет, поселок Н. Валдай (Кемеровская обл.), г. Томск, Барнаул (г. Елань), письменщик В. Воронова (г. Елань), в Бутровский (ст. Немышев (г. Чемальский) философского факультета А. Гордеев (Барнаул), Г. Григорьев (Барнаул), И. Канев (Новодвинск), старшина 2-й статьи Г. Давлетшин (г. Мурманск), А. Абдуррагимов (старшина 3-й статьи из Тюменской области), библиотечарь Евгения Васильевы (область Свердловской), В. Емельяненко (г. Красногорск), алушматчик московской партийной школы В. Смирнов (г. Днепропетровск), воинственный писатель А. Жидкин (Магаданская обл.), поэт В. Воронин (г. Благовещенск (Приморский край), Г. Капкаев (Гомельская обл.), студентка Гомельской обл., студентка педагогического института Г. Чистякова (г. Челябинск), библиотечарь К. Красильникова (г. Краснодар), писательница Ирина Г. Гайдар (помощница начальника Камарии (г. Кинешма), студентка С. Капитонова (г. Луганск), радиооператор аэропорта А. Ларин (Краснодар), Е. Максимова (Краснодар), краевед А. Степанов (г. Полтава), врач С. Мирзоев (Армения), писательница Е. Аракелян, преподаватель педагогического института П. Наумов (г. Волгоград), студентка Г. Нужкова (г. Минск), нахчеванин Г. Казань), техник-алплектчик Р. Исаев (г. Иркутск), радиотехник Ю. Петров (г. Краснодар), писательница Е. Фирсова (г. Краснодар), библиотечарь Т. Свердлова (г. Краснодар), писательница Е. Григорьева (г. Чигири, ученица 10-го класса из Магаданской средней школы Соловьев (Рязанская обл.), секретарь комсомольской организации колхоза Р. Ребров (г. Белогорск), Р. Сахаров (г. Волжск), В. Торбор («Изюмский», г. Волжск), А. Федоров (г. Могилев), работники культуры и спорта Д. Фитиновых (Приморский край, «Дальневостхост», учительница), Е. Харитонова (г. Белогорск), Т. Ново-Бельминская, библиотечарь Т. Чардашьян (г. Арамаш), аспирантка Т. Тарасова (г. Елань), член Академии АССР, Вилюйский район).

Редакция благодарит всех читателей за интересные письма, доказывающие важность Гимна. Ihre замечания и предложения будут учтены. В одном из блоков нового «Слова» предполагается поместить эпизодическую статью, где, частично, будут даны ответы на некоторые письма.

Многие говорят о санях себе, о своих делах, об успехах. Если хочешь сообщить что-либо читателю, то лучше слышать самим, оставь свое сообщение на более подходящий случай, а не вспомни со своим письмом. Рассказывая какие-либо истории, выбирай для этого более интересные и новые темы. Старатся не утомлять слушателей и не злоупотреблять их вниманием. Тема разговора должна интересовать вас, привлекающую участия в беседе. Не говорите просто, неизвестно присутствующим, находясь перед ними, не пересланными слухи.

Помни, что в основе хорошего поведения всегда лежит скромность, уважение к другим, внимательность, тант.

Когда-то в буферных чащах знали только волокну — неуклонное санки для перевозки леса. В этом и состояла вся механизация. Сейчас здесь грохочут мощные тракторы-тракторы, по узкоколейным дорогам движутся длинные составы вагонеток...

В ЛЕСАХ РУМЫНИИ

Иоан ГРИГОРЕСКУ

Рядом с фортами Севастопольской Армии привнес румынскому народу долгожданную свободу и независимость. Вся власть в сильной руке героя, в котором впервые встали на путь строительства социализма.

Большинство учащихся добились труда в Румынской Народной Республике в развитии производственной базы, в народном хозяйстве, в культуре, народного образования. Всюду видны новые строения, новые труды. В этом номере мы публикуем очерк румынского писателя Иоана Григореску, описывающий волшебную жизнь, труде и быте румынских лесорубов.

Букоевые чащи, сандаки бурных событий далеких времен, хранят многочисленные истории и легенды. В этих глухих местах когда-то скрывались отряды свободолюбивых патриотов — гайдуков, наводивших ужас на турецких захватчиков.

Прошли десятилетия... В горы противны свои дали жажды побеги, обладатели гербов, золота и арапинок, — и застонали под топорами западные чащи! Нужда и голод проглатывали в лесах лесорубов. Бородатые гайдуки составляли горы, пала, железный крюк, кусок мамалыги да горсть соли. Там, где они проходили, на склонах гор, как открытыми раны, чернели широкие просеки... И все предания о смелых гайдуках, о подвигах Михаила Огненского, о храбрости воинов, в тайге которых стала далекой прошлой сказкой, а ищета и рабство в ущелье Братоша сделались печальной явью.

...Под красноватым обрывом Мицнец-Утргутина плещутся прохладные воды Телеажена. Каждое утро тишина нарушается пронзительными гудками. Маленький павильон, в котором забылась сюни искры, тащится небольшой состав, доставляя лесорубов в горы. По понедельникам, отдохнувшим и посвежевшим, лесорубы возвращаются из своих деревень нахер, на лесные участки, разбросанные по горам. Наровится, погоняется, вспоминается все выше и выше, до пиков Тигэев... И помимо того, как люди оставляют

вагоны и углубляются в чащу, лес оживает.

С громким треском вальяется ветка, бука...

Картада... Гогот... — несется из дозора, и в горах еще не успевает затухнуть глухое эхо, как сверху доносится предсогревающее... — Варда-а!.. Начинается...

По склону канала — деревенскому желтуху — сплерх вин с извращающимся гротеском одно за другим проникает в глаза. Свежий веток стволы деревьев — хвойные, покрытые густым зеленым мохом. Иногда раздается звонок: «Меня... Мало, пощевиши-ка!..» — И тогда человек, стоящий нахеру, направляет по жалобу хлыст за хлыстом...

Лес наполненется шумом, визгом птиц и стуком топоров, треском раскалывающихся сучьев, голосами милюб в эти же необычные voglaissмы, которые остались румынам в наследство от итальянских лесорубов, бродивших в наших лесах в прошлом веке.

Начался трудовой день, книпт работа. — Книпт, — говорит старший Дымков, с которым мы, беседуя, бродили по тропинкам. Клубчука, сказал мне как-то, оставившись у могучего бука:

— Взгляни на это гиганта. Три человека едва ли смогут обхватить его ствол. Может быть, это и есть тот сам бука, в котором остановилась свою лошадь гайдук Могуш. Может быть, здесь изливали свои жалобы лесорубы, обманутые логотифами — боярскими приказчиками. — Взгляни, они не остановятся, пока не достанут эту деревню. Но люди, которые сегодня проходят мимо него, изменились, стали другими...

Да, другими стали люди в лесах, раскинув-

шихся в горных склонах, между ущельем Братоша и Бузу... Прежде, изнывав к логотифам, аксессуарам пола, сюда на ветерошке недель, а иногда и на весь сезон, утаскались в своем деревне с несколькими грошами в кармаше. Но вот настали иные времена. И теперь лесорубы, покидая единичные пути от Мусала до лесных участков через двадцать километров, в лесу их окажет новая жизнь. Люди живут в просторных, светлых и чистых бараках, обедают в столовых, покупают товары в магазинах, получают хорошие газеты... Лесорубы братца Константина Дыкона — лучшей бригады участка читают Гого и Чехова, Некрасова и Караджале.

Вечерами в Могиле собираются лесорубы послушать чинной «Думы» министра Бузку. А когда дед Геор-

¹ Румынский национальный музыкальный инструмент.

На горных склонах Братоша, в Казанских лесах, в Могиле и Браточе — всюду работает трудолюбивая румынская молодежь.

ге Фрэнку достает из-за пояса флягер и начинает играть... — ноги уже не чувствуют усталости.

Да, по-иному живут и работают лесорубы. Сейчас у них появились сильные помощники — машины.

Лесоруб хорошо помнит тут день, когда в Могоще прибыл первый трактор. Это был «КД-35». Лесорубы обвили его кругом, постучали по гусеницам, пощупали решину прицепа и с сомнением покачали головами: горные склоны Бредзета, непролазная гарь Клубечского леса — дело не шутовое.

— На твердом и ровном месте он, пожалуй, и гордится, но здесь, у нас...

— Посмотрим! — усмехнулся молодой тракторист.

— Сколько ты перевозишь за один раз на своем тракторе? — спросил лесоруб из Бабенса. — Что значит кубометров?

Слушай, а ты не пугайся! Убедившись, что парень не шутит, лесоруб обвел трактор, внимательно осмотрел его и опять обратился к трактористу:

— А сколько ты перевозишь за день?

Получив ответ, лесоруб стал подсчитывать. Вышло то, что волода обходится вдвое дороже, чем тягач, а перевозить всего волды — десять кубометров леса в день.

Лесоруб ширинул шапку наземь и разразился бранью:

— Черт бы поборал эту волокушу! Скажи мне, пожалуйста, сколько времени нужно, чтобы научиться управлять вот таким машиной?

С появлением трактора мечты лесорубов стали сменяться и крылатые. Люди стали думать об электрической пиле, работать над проектами функилеров и лесных машинно-тракторных станций, о которых они читали в советских журналах, составлять планы постройки кабинок, где можно было бы использовать получагую энергию горных рек.

Одни мечты уже воплотились в действительность, другие — на пути к осуществлению. Дренажные волокушки из долины Берги исчезла. Зато в Могоще в recordное время построили самую высокую в южной Европе функилер. На участке «Превентор» появилась электрическая пила в Бредзете проходит тракторы.

Когда на участки приезжают новые отряды лесорубов, их встречают тепло и приветливо.

Я видел, как у ворот конторы лесного участка в Кейне остановился лесоруб человек с котомками за плечами и завернутыми в трапеции картами.

— Муселены! — приехали! — крикнул кто-то во дворе, и тотчас прибывших окружили кейские стражники.

— Здорово же вы разоделись — засмеялся один из лесорубов — садары, указывая на одежду муселенцев.

— Дадим им спенеки, папаша! — сказала Ион Драгомир, начальник участка, человек лет пятидесяти, смуглый, с черными, лихо закрученными вверх усами. И спенеки и ботинки все вадли. Томоко бы сидел в рабочей кабине. Леса у нас хватит. А ту, подойдите-ка поближе, посмотрим, сколько вас. Всё все из Муселен? Формовщиками? Как раз впереди прибыли!. . Сейчас я выпущу вам талоны... Продукты и все необходимо получить в магазине.

Устраивайтесь поудобнее и — усыпка в работе!

Начался трудовой день, кипит работа, и некогда восхищаться игрой солнечных лучей на ветвях и листьях или следить за полетом вспущенных птиц. И все же одни словеса сидят спокойно, облокотившись на спинку кресла, а другая, и пристально смотрят на покрытое мягким зеленым ковром землю. У него круглое юношеское лицо, на котором едва пробивает ся пушок.

— Глени-ка, как мы быстрорастем! Молодцы Ей-богу, растем! Три года назад было только скандировать имена, а теперь уже давлать одно!

Из пышного зеленого мха торчат крохотные побеги молодой еловки.

— Вон там еще одна и еще!

Юноша разглядывает макушку саженца, поднявшиеся склонами горы, были посажены с самолета два года назад, что зовут его Константином Кирином, а прашел он в леса Могоща после окончания техникума, покинув поля у озера Снагов и теперь работает бракнером.

Ты лет через сорок приедешь к нам, товарищ! — говорит Константин. — Вот тогда попробуй сочинять иглы этих елок! Хороший будет лес, по новому методу выращивания!

Сорок лет! Отсюда еще не перешагнул и через половину этого срока, и Юноша может посетить лес через четыре десятилетия.

Напрасно ульбается... — неожиданно обижается Константин. — Мы должны думать о завтрашнем дне! Это наши леса! Вот постараюсь, что говорят старинное предание. Давным-давно, когда на горах лежали лишь камни, жили-перебивались люди, которые пытались излечивать людские болезни различными снадобьями, которые она готовила из настоих цветов и трав. Всего ее мастерство распространялось на семидесяти семи деревнях, к лачуге старухи стало стекаться множество народу. Но было и человека, который хотела исполнить желание бабки Рыбки. Но, когда хотела, она вский раз отказывалась от вознаграждения и, указавши рукой на горы, бесплодные долины и обнаженные каменистые кручи, говорила: «Посади на долине или на горе свою елочку, дуб или бук, и все твой горя сплох, дуб или бук, выброшу. Это будет лучшей наградой для тебя!». И каждый сажал по деревенцу. Так родились леса, покрывшие горы, холмы, долины... Вот как было. А потом, словно прокоренная саранча, налетели на эти места богатыри. После них в горах оставалась лишь одна елочка на горе. А сейчас на вырубленных местах снова прижились посадки будущих лесов, и вместе с ними появилось новое название: лесонасаждение.

Прочитав мне эту своеобразную легенду, Константин поднимается.

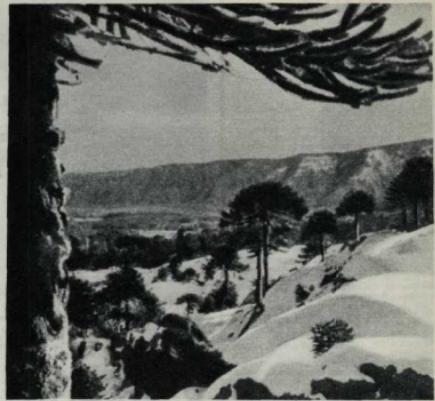
— Сбегаю за краской. Нужно написать несколько плакатов, чтобы предупредить, что здесь только в определенных местах. Иначе — запрет саженцы!

— Вокруг, сливаясь в бескрайней дали с голубым небом, стоят могучие древние леса. И всюду на зеленых склонах — в Кобуле Маре, в Клобуце — неудержимо тянутся на восток солнышко молодые еловки.

Растет новый лес!

Переведена с румынского

Т. ХАИС.

Пейзаж в чилийских Андах.

ЧИЛИЙСКИЕ КОНТРАСТЫ

Эктор АРОЙО

Как и большинство стран азиатского континента, национальная культура чилийцев напоминает здания донесланского периода. Индейцы приспособили религию, взятую из конкистадорами, к своим верованиям и создали обряды, сильно отличающиеся от обычных практик других городов. Кафтаны-рубахи синтана, поплав, сапоги, принесены в ужас, увидев Христоса, положенного на индейца, или услышав слишком землю, толкование священного писания.

Но покинут этот засушливый, каменистый край, который, правда, славится лучшими чилийскими альпийскими и лимоновыми сортами винограда. На обеих сторонах дороги бегут чаща пальм и других полезных ископаемых. Увалы и пустыни поглощают этих мест. Шахтеры и пастухи, потомки старых индейских племен, никогда не пасивших дремлющим имением своих обширных строек. Они живут в уютных хижинах и сообща обрабатывают свои бесплодные земли. Оросительные каналы, построенные ценой огромных усилий, оберегаются как самое дорогое достояние. Тут вы встретите людей, одетых в традиционные народные одежды и приразывающие лам и диких коз, из шерсти которых изготавливаются ткани.

Если из этого района вы захотите проникнуть в Айн, то разреженный воздух заставит вас страдать от горной болезни, первые признаки которой — усталость и апатия. Повсюду, куда ни кинетесь взглянуть, простирается выжженная солнцем земля. Но вот на горизонте появляется деревня, которая расплывающее теплое облачко. Видимо оно увеличивается, приобретает определенные контуры и, наконец, превращается в не большую индейскую деревушку. Жилые дома и церкви — вот основные ее строения. Первые пред-

ставляют собой низкие соружения, крытые соломой. Церкви окраинами в белый цвет и пирамидальными силуэтами напоминают здания донесланского периода. Индейцы приспособили религию, взятую из конкистадорами, к своим верованиям и создали обряды, сильно отличающиеся от обычных практик других городов. Кафтаны-рубахи синтана, поплав, сапоги, принесены в ужас, увидев Христоса, положенного на индейца, или услышав слишком землю, толкование священного писания.

Дальше на юг нашему взору открывается прекрасная панорама чилийских Анд, покрытых снегом, спящих под солнечными лучами.

Природы здесь необычайно живописной. Куда бы вы не пошли,

всегда внимание невольно привлекают стройные ряды тополей. То

тут, то там виднеются небольшие поселки, насчитывающие пятьсот, тысячу и более жителей. В вос

кресные и праздничные дни поселки заметно ожидают. Повсюду

смыкаются песни, люди танцуют. Магазины, пустующие в течение недели, оживленно торгуют.

Большие каменные дома помещиков с фасадами, окрашенными в белые, красные или сине-тона, выделяются роскошью. Крытые галереи, выходящие на внутренний двор квадратной формы, двухскатные черепичные крыши сокращаются со временем в виде конической пирамиды, когда «господский дом» был символом богатства его владельца. Примерно в таком же стиле выстроены дома зажиточных крестьян. Белые, с маленькими окнами и дверьми, с навесом, обивтым плющом, с непременным колодцем, курятником и фруктовым садом — они необычайно живописны.

Следуя дальше, мы попадаем в зону, где десять месяцев в году льют беспрерывные дожди. Здесь много лесов, и в отличие от центральных районов Чили местные земледельцы не владеют большими латифундиями. Чтобы добиться хорошего урожая, они вынуждены обрабатывать щательно обработанные земли.

Минимся ландшафт. Равнина осталась позади. Кругом холмы, порой заслоняющие горизонт, и лишь изредка в просветах между ними видны величественные склоны Кордильера, правда, менее высоких, чем на севере. Повсюду, насколько хватает глаз, бегут головастые реки-ропашни. Под сенью развесистых дубов, эвкалиптов и аракуарий пасутся многочисленные стада.

Местному крестьянину-бедняку и здесь приходится батрачить на помещика. Но это вовсе не значит, что он не умеет веселиться по празднику. А какое же веселье без песен и танцев? И уж, конечно,

но, праздник не в празднике, если нет национального чилийского зрелица — конных соревнований! Вот по равнине на гористых скакунах мчатся два всадника. Их подгоняют возбужденные крики зрителей, успешных уже заключить между собой пари с и нетерпением ожидающими финиша. А после соревнований все отправляются в бары и таверны, чтобы разгадать победу или запить горе поражения стаканом пенистого яблочной «чики».

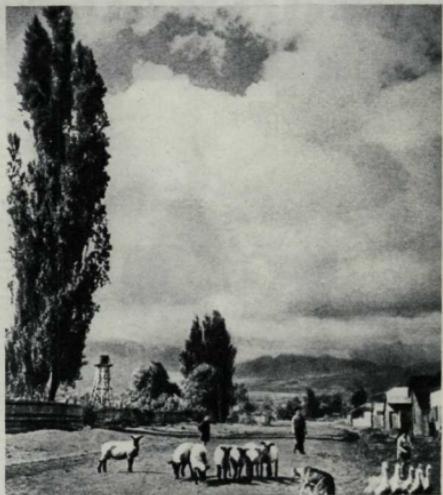
Природа в этих местах особенно прекрасна. Горная цепь Кордильер то тут, то там вевичается заснеженными пирами вулканов, а бесчисленные озера с прозрачной изумрудно-зеленоватой водой расположены в обширных склонах заросших деревьями и кустарниками. Эта живописная зона простирается от реки Био-Био до залива Реконкиви и является последним убежищем остатков древнего индейского племени мапучей. Индейцев часто можно увидеть на станциях железной дороги. Вглядываясь в их бронзовую кожу, невозможно думать, что жители этих краев, который в течение трех веков отважно боролись с поработителями.

По соседству с мапучей живут потомки немецких колонистов, переселившихся в Чили в середине прошлого века и ставших со временем обычновенными крестьянами, давно утратившими воинские качества и даже привычки.

Дома здесь резко отличаются по своей архитектуре от зданий в северной и центральной частях Чили. Это простые и прочные деревянные сооружения без излишеств. Наиболее типичными поселениями для них являются mestечки Аихельмо, Кастро, Дальяуа, Анкуд, Сай-Кинтий. Первое находится

Гаучо — южноамериканские пастухи-кобоны.

Селение в районе Пунона.

св. близ города Пуэрто-Монт, остальные — на острове Чилод, служители которого пользуются заслуженной славой отважных мореплавцев. Кстати, остров Чилод — колыбель многотысячелетних легенд, связанных с богиней Там. Например, родился легендарный корабль-призрак «Калануэ», который будто бы в бурные штормовые ночи управляемый невидимым экипажем появляется в южных широтах. Не один житель острова бу-

дет вам kểть, что видел этот призрак своими собственными глазами.

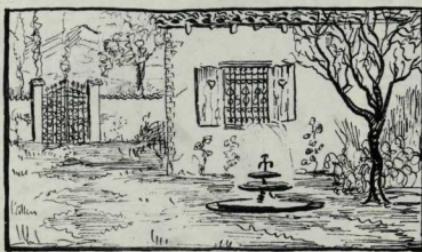
Заканчивая свой короткий рассказ о моей стране, я хочу добавить, что чиняя много народа, как и всех прочих людей на земле, воодушевленных амбициями и идеалами — жить в мире и дружбе с народами всего земного шара.

Сокращенный перевод
с испанского.

Рисунок Рой Малета.

В ветхих лачугах ютятся потомки древнего индейского племени аймары.

А в таких роскошных домах живут владельцы огромных латифундии...

ТРЕТЬИ СПОРТИВНЫЕ ИГРЫ

Фото А. Бочинина.

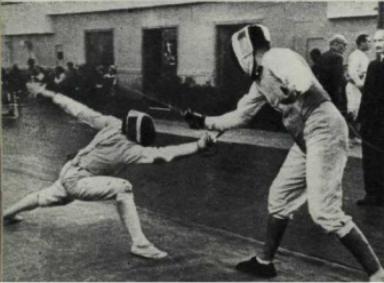

Забег на 1 500 метров начался...

Схватка регбистов. Матч между командами Уэльса и Чехословакии.

В отличном стиле выиграл встречу с австрийским спортсменом П. Кербом советский рапирист М. Мидлер (слева).

Бухарест... Варшава... Москва... В третий раз в голубую лебеди взеняли флаг Международных летних спортивных игр. Они проходили в незабываемые дни Московского фестиваля. Сюда из далеких стран прибывали и девушки сорока шести стран, приехали в советскую столицу, чтобы показать свое мастерство на футбольных полях и теннисных кортах, на беговых дорожках и велосипедных трассах, на гимнастических скамьях, на рингах. Посланные пятьдесят монголентов в упорной спортивной борьбе обогнали всех, установив рекорды, новые замечательные достижениями. Они продемонстрировали высокий уровень мастерства, силу, ловкость, смелость, находчивость — все те прекрасные качества, присущие здоровой, изненадрастной молодости.

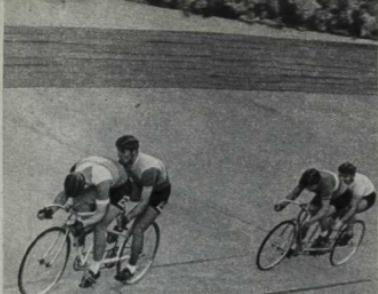
Сотни тысяч людей с волнением и восхищением смотрели эти грандиозные турниры. Гордясь от всей души, аплодировали они изобретательности и выносливости Цин-хаю и знаменитому австралийскому бегуну Аллану Дауренсу, он же — легендарному баскетболисту и югославскому марафонцу Франью Михалчу, прославленному олимпийскому чемпиону борьбы дам Сильву и талантливому венгерскому легкоатлету Минчулу Сабо...

Другие друзьями товарищами были ярко-красные костюмы. Прянично было видеть, как посыпавшего национального поединка волейболистов, баскетболистов и физкультурников, японец, румыны, поляки, мексиканцы и русские лидеры болельщики.

Достижениями спортивной честью своей великой страны советских спортсмены зодчие медали выплачивали волнистым тульским гонщикам Борису Романову, пловцу Виталию Сорокину, бобслеисту Александру Абрамову, скелетонисту Юрию Степанову, старейшему болотникову, гимнасту Лазарю Латышину и другим.

Третьи международные дружеские спортивные игры явились настоящей олимпийской школой не только для спортсменов, но и для тысяч спортивных. Они еще больше укрепили дружбу и товарищество между нациями, посланцами разных стран и народов.

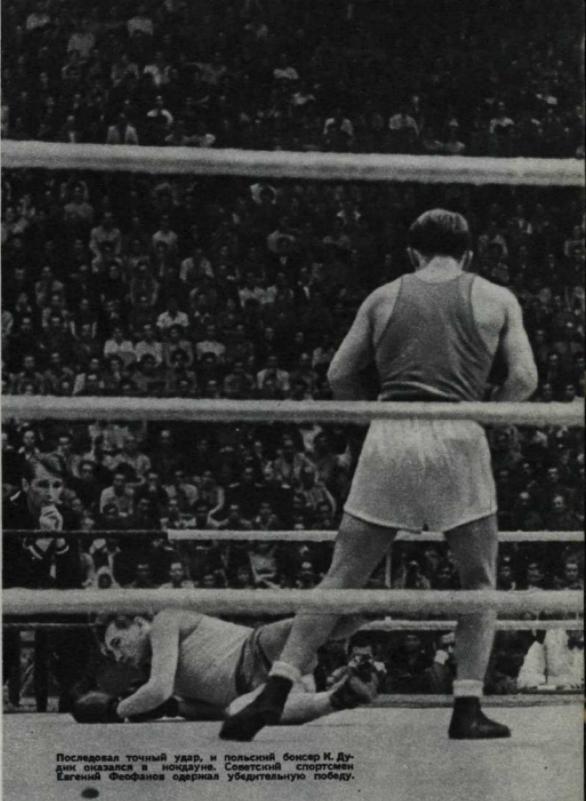

Много зрителей привлекла гонка на tandemах. В соревнованиях с чехословацкими велосипедистами Л. Фоученом и В. Мажаком победителями выходят советские спортсмены Р. Баргашин и Л. Хмель.

В напряженной спортивной борьбе проходила встреча баскетбольных команд Египта и Бельгии. Выиграли египтяне.

Последовал точный удар, и прыжкий боксер И. Дудин оказался на носилках. Советский спортсмен Евгений Феофанов одержал убедительную победу.

Так реагировали румынские гости на наиболее меткие удары своего боксера...

Цена номера
2 руб.

17597

